

СЕРГЕЙ КАЛАШНИКОВ

Боевая фантастика

ЧЕТВЕРТЫЙ

Annotation

Что может сделать наш современник, оказавшись в начале решающей для существования России войны, там, где происходит это самое противостояние? Историю событий знает на уровне школьника. Навыков или профильного военного образования нет. Физически... нормальный средний уровень. Но имеется желание и некоторые соображения. Возможно, неправильные. Зато свои.

Сергей Александрович Калашников

Четвертый

© Сергей Калашников, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Глава 1

Напакостить и смыться

Бегу — это я понял сразу, как только вынырнул из сонной мути, владевшей моим сознанием. Не полноценно бегу, а тупо переставляю ноги, увлекаемый находящимися рядом юношей (справа) и девушкой (слева). Паренёк с бесцветными ресничками и тонкими правильными чертами лица тяжело дышит, поддерживая меня за локоть. Девчонка тоже запыхалась. А впереди маячит спина скособоченного молодого человека с горизонтальной резаной раной от левой лопатки и налево же до самой подмышки.

Спешу укрепиться на ногах, уделяя самое пристальное внимание перестановке ступней и отталкиванию себя от земли собственными силами — моим «поводырям» сразу стало легче. Буквально через пару десятков метров мне удаётся возобновить контроль над телом — начинаю отмахивать руками в такт шагам, хотя колени время от времени пытаются подломиться. То одна, то другая.

Ещё метров тридцать торопливого бега, и я чувствую себя полностью в форме. Физической. А вот в умственном плане испытываю колоссальный дискомфорт, поскольку не понимаю — где я и с кем? Мы поспешно рысим под уклон вдоль по самому дну широкого старого оврага с покатыми, градусов тридцать наклона, стенками, заросшими клочковатой травой, редкими кустиками и чахлыми деревцами. От кого-то убегаем? Подрались на танцах и смываемся от местных? Такое в моей жизни случилось очень давно, где-то в семидесятых, в стройотряде. А на дворе уже двадцать первый век, когда о подобных мероприятиях в деревенских клубах давно позабыли. Хотя нарваться на конфликт с недружелюбными парнями можно в любое время и в любом месте.

Но не в моём пенсионном возрасте.

С другой стороны, если тикаем, значит, во что-то вляпались. Но бег по прямой не представляется оптимальным, если преследователи подкатят на машинах или тракторе туда, куда мы мчимся.

Сворачиваю вправо и вверх по склону выбираюсь к кромке оврага, Осторожно выглядываю — широкое поле, заросшее той же клочковатой травой, на дальней стороне которого примерно в километре от меня на фоне зелёного леса маячат фигурки мышинового цвета. Точно — цепь, прочёсывающая местность. Очень редкая цепь — интервал между участниками облавы шагов двадцать. Зато самих участников десятка четыре. Меня они не видят, потому что далеко, а выставил я только голову, и то не всю.

Спутники мои уже рядом и точно так же слегка выглядывают. Ни справа, ни слева «мышинных» нет, и никаких других тоже не наблюдается.

— Ложись, — командую. — Ползком вперёд вон туда, — указываю рукой.

Ребята послушно опускаются на животы и технично по-пластунски направляются к месту, где наблюдается особенно густая заросль невысокой, не более полуметра, немного пожухлой травы. Она надёжно прикрывает нас спереди, а когда, преодолев метров шесть песчаного участка, углубляемся в неё, то вообще со всех сторон. Поворачиваюсь и начинаю старательно распрямлять примятые стебли, чтобы скрыть след нашего проникновения сюда. Минут десять, пока цепь не доберётся до нас, можем считать, что спрятались. И ещё отсюда просматривается небольшая часть дна оврага — то место, где мы находились пару минут

тому назад.

И вот тут-то меня серьёзно приложило на всю голову от увиденного — человек семь в форме, той, про которую говорят, что она «фельдграу», проследовали по дну оврага короткой цепью туда, куда мы мчались. Весело шли, с настроением, перелаиваясь на языке Шиллера и Гёте.

— О чем они? — шепнул наш раненый, когда немцы прошли.

— Ефрейтор велел Майеру следовать левее, а тот сказал, что послушается, — нервно прошептала девушка.

Я невольно скосил в её сторону взгляд — красивая. Нет, описать не могу, потому что ничего выдающегося во внешности не наблюдается, просто всё к месту и всего в меру. Словно у куклы Барби.

Перевернулся на спину и тихонько приподнял голову над травой, вглядываясь в приближающуюся цепь — до неё ещё около полукилометра. Снова улёгся на живот и, шепнув: «За мной», переполз обратно в овраг. Только здесь обратил внимание на то, что и худощавый, и Барби тащат по два вещевых мешка системы «Сидор», а мы с раненым пижонствуем налегке. Зато сам этот раненый лицо имеет в меру упитанное, хотя и без потуг на пухлость или рыхлость. К тому же лучезарно улыбается, игнорируя боль от раны. Из-под широкой «со свесами» кепки выбиваются курчавые волосы цыганского или еврейского типа, но тело остаётся скособоченным.

К тому же все мои спутники укладывают в правые карманы самые настоящие револьверы системы «Наган», которые я не раз видел в кино. Хлопаю себя по правому боку и сквозь ткань пиджака ощущаю металлическую тяжесть. Выходит, я — один из них. Ну да, и вот этот «сидор», лямку которого покладисто вложила в мою протянутую руку Барби, тоже мой.

Впрочем, торчать на одном месте посреди не особенно заросшего оврага — не дело. Машу рукой в ту сторону, откуда мы примчались, и веду группу за собой. Стенки ложбины становятся ниже с каждой сотней метров, кусты и деревья встречаются реже, а трава делается совсем жиденькой и редкой. Глубоко просохшая почва под ногами рассыпается, словно песок.

Осторожно выглядываю из нашего обмелевшего укрытия, где уже и не спрячешься, не согнувшись. Слева группа в майках, серых штанах и коротких сапогах ковыряется в земле, тыча в неё тонкими стержнями, приделанными к деревянным рукояткам. Один водит над поверхностью миноискателем, другие извлекают прямоугольные ящички и составляют их рядом. А вот это уже ни на каких ролевиков или реконструкторов не спишешь — фашистские сапёры снимают минное поле.

Справа и спереди просматривается в отдалении низкая насыпь дороги с неизвестно каким покрытием, сзади по обе стороны уходящего вдаль оврага — та же ровная поверхность с редкой чахлой травой. Зато нас ниоткуда не видно при неплохо просматриваемых подходах. И мы сильно измотаны. Обращаю взор на девушку, киваю в сторону нашего раненого и отворачиваюсь — если не наблюдать непрерывно во все стороны, можно очень неприятно попасться.

Итак, я не в своём теле и не в своём времени. Вокруг меня лето неизвестно какого года, хотя в голову приходят сорок первый и сорок второй — почему-то помнится, что они не изобиловали дождями и здорово давили жарой. За спиной тихо шипит перевязываемый парень, другой извлекает из сидора пакет с бинтом и отдаёт девушке. Дорога пустынная,

поодаль копошатся сапёры, солнце поднимается всё выше и выше, а ни тени, ни ветерка не наблюдается. Наш, превратившийся в канаву, овраг ведёт как раз к дороге, за которой виднеются заросли кустарника. Кажется, это то, что нам сейчас остро необходимо. Одна беда — чтобы туда добраться, нужно пересечь дорогу. Среди бела дня на виду у фашистских сапёров.

Продолжаю присматриваться к окружающему, придирчиво анализируя малейшие детали. В той стороне, где орудут немцы, просматривается ещё одна группа кустов, из которых вверх выглядывают кроны деревьев. Правее виднеется съезд с отсыпанной дороги, направленный как раз к этим жиденским зарослям, а уже дальше возвышается настоящий полноценный лес с высокими соснами. В ту сторону было бы заманчиво проползти по кювету, но, судя по высоте дорожного полотна, он неглубок и отлично просматривается с дороги.

То есть я этого не вижу, а только предполагаю. Была бы возможность выбраться из овражка и встать в полный рост — разглядел бы, а так только и остаётся, что домысливать. Вот и принимаю версию, что через овраг, где я пришёл в себя, стекает вода из кювета, потому что относительно всех остальных направлений мы находимся в нижайшей точке. И ещё сюда могут вести другие промоины.

Со словами: «Наблюдай», адресованными худощавому и подкреплённым круговым движением пальца, оставляю пост и ползу по дну канавы, разглядывая её кромки. Ну, вот и нашёл. Собственно, промоина имеет смешную глубину. Главная её ценность — относительно густая трава на всем видимом протяжении как раз в нужном направлении — в обход места, где расставляют свои вешки сапёры.

Махнул рукой товарищам, которые тут же двинулись в мою сторону. По очереди выглянули, оценивая «внесённое предложение». Вглядываясь в их лица, отметил, что выражения изменились — если в момент «знакомства» в глазах плескалась растерянность, то теперь от ребят исходит сосредоточенность. Пришли в себя, не иначе. Девушка достала из вещмешка длинный кусок проволоки миллиметра четыре диаметром с деревянной рукояткой на одном конце и заострением на другом. Распрямила её плоскогубцами, отдала сидор мне и выползла из канавы. Я двигался следом, поглядывая на тугие икроножные мышцы, в верхней части слегка прикрытые подолом лёгкого летнего платья. Следом пробирался наш раненый с револьвером в руке, а замыкал худощавый с последней парой мешков.

Метров четыреста на брюхе да под лучами жаркого солнца потребовали много времени на преодоление. Тем более что мы не торопились, замирая каждый раз, когда голоса немцев делались слышнее, и, не решаясь поднять головы, чтобы посмотреть в их сторону. Иногда остановки вызывались тем, что Барби принималась особенно внимательно протыкать своим щупом подозрительные участки. Кажется, путь занял весь остаток дня, но наконец мы добрались до кустов.

Девушка поднялась на ноги, осторожно раздвинула ветки и проникла в тень, где на занавешенной густыми ветвями полянке были сложены ящики, ранцы, лопаты и множество других вещей под охраной дремлющего на чём-то металлическом солдата. Замерев на мгновение и боясь потревожить часового, я протянул руку, чтобы отодвинуть ребёнка и напасть на оказавшегося так близко врага, но не успел: Барби сделала стремительный шаг вперёд. Шаг, похожий на фехтовальный выпад. Немец так и умер, не проснувшись с торчащей из глаза рукояткой маленького сапёрного щупа.

Подруга наша схватилась одной рукой за живот, второй — за горло, и согнулась пополам

— её рвало. Худощавый, отпустив мешки, достал револьвер и двинулся наблюдать в сторону только что обогнутого нами поля, а мы с раненым принялись снимать с фашиста форму. Сидел он, как мы выяснили, на большой металлической фляге ёмкостью литров сорок, где оказалась обычная вода. Еще по ветвям были развешаны верхние части мундиров — кители или френчи, не знаю, как они правильно называются. Хозяева этих одежд сейчас трудились на поле в полутора-двух сотнях метров от нас, а с другой стороны проходила просёлочная дорога, не поднятая на насыпь, а просто укатанная колёсами. Всё вокруг оставалось пустынным — давил полуденный зной.

Посмотрев на наручные часы, снятые с убитого, худощавый сказал:

— Обеденное время. Не иначе фашист сейчас пожелает передохнуть в тенёчке. То есть придут всей командой.

Я поднял винтовку, выпавшую из рук часового, приоткрыл затвор — не трёхлинейка, но интуитивно понятно. Загнал в ствол патрон и предложил:

— Стреляю первым в дальнего от нас, а остальных уж вы из револьверов валите.

— Судя по количеству ранцев, их должно быть восемь, — согласилась девушка. — Да одного уже нет, — кивнула она на раздетое тело. — Остаётся по две цели на ствол.

— Вон, зашевелились, — кивнул раненый. В нашу сторону направлялось действительно семеро сапёров с закинутыми за спину наискосок винтовками. Каждый нес два ящичка — мины — по одной в каждой руке.

Мы подобрались к кромке зарослей и стали устраиваться для стрельбы, тщательно следя за тем, чтобы не показаться на глаза своим жертвам. Долго ждать не пришлось — и двух минут не прошло, как до ближних осталось буквально метров семь — отдалённо звучащая речь теперь доносилась отчётливо. Отставшего фашиста я чётко взял на мушку и, мягко нажав на спуск, свалил — до него было шагов пятьдесят. Трёх ближних ребята убили практически в упор, а остальных подстрелили кого двумя, кого тремя выстрелами. Шустрые оказались немцы — убегали, петляя и дергаясь из стороны в сторону. А вот мне второй патрон не потребовался — пока передёргивал затвор, всё уже закончилось.

Потом мы с худощавым копали яму, чтобы спрятать трупы, и освобождали их от обмундирования — занимались сокрытием содеянного, а Барби с раненым вели наблюдение во все стороны.

— Я так думаю, что такую кучу всякого барахла немцы на себе тащить не собирались, — рассуждал за работой парень.

— Тут явно наблюдается имущество сапёрного подразделения, — согласился оказавшийся поблизости от нас второй из парней. — И наших ребят вещмешки в кучу свалены, все восемь. Ольга вон над Катькиными и Иркиными шмотками ревет.

— Попроси, чтобы перестала, — вскинулся худой.

— Она только если Ивана послушается, — кивнул на меня наш товарищ.

Вот так я и узнал своё имя и имя нашей красивой спутницы.

— Ты как насчёт копать? — обратился я к раненому.

— Плохо. А вот потянуть за брючину или сапоги стащить — вполне.

— Тогда завершай мародёрку, а я с личным составом побеседую.

Девушка нашла в кустах, откуда следила за обеими дорогами, и ещё ей частично было видно расчищенное минное поле. Глаза припухшие, но уже сухие.

— Переоденься в немецкое. А потом проследи, чтобы всё было собрано и приготовлено для погрузки на автомобиль, — только и сказал ей, а сам остался на посту.

Никакого движения на дорогах не было — словно вымерло всё вокруг. Негромко звучали голоса моих пока не очень знакомых товарищей. Изредка я проходил мимо них, чтобы посмотреть в те стороны, которые с облюбованной Ольгой точки не были видны. Народ перекладывал толовые шашки, пересчитывал капсули-детонаторы и примерял снятые с трупов часы. Солдатские книжки складывали в отдельный мешочек и бормотали, что карта старшего куда-то подевалась.

— Вань, как ты думаешь, зачем немцы увезли тела наших ребят? — обратился ко мне худощавый.

— По деревням развезут и повесят в центре с табличкой «Диверсант», — ответил я не задумываясь. — Этих, что мы прикопали, тоже стоило бы развесить с табличкой «Оккупант», но это помешает выполнению задания.

Раненый кивнул и затянул ремень на тюке, в который скрутил добытую немецкую форму. И тут послышался звук автомобильного мотора — машина приближалась со стороны, куда вёл просёлок. Я посмотрел на Ольгу — мужская одежда словно подчёркивала женственность её форм.

— Спрячься. И ты, — посмотрел я на раненого. — И телом кособокий, и облик твой уж чересчур семитский. А парабеллум давай сюда. Из винтовки держи на прицеле ту сторону, какой к тебе грузовик повернётся. Ты тоже, — посмотрел я на девушку.

Ребята просто кивнули и сделали, как я попросил. Худощавый, одетый, как и я, немцем, проверил, легко ли достётся из кармана револьвер, после чего повесил на плечо винтовку и пошел встречать машину.

Нечто незнакомое размером с полуторку, но явно заграничное, потому что всё такое аккуратное, выехало из-за поворота и, приблизившись к нам, стало пристраиваться задом как раз к самой полянке с имуществом. Разумеется, мы не мешали, а просто застрелили и водителя и сопровождающего, как только мотор был заглушен и кабина опустела. Ещё два мундира, на этот раз дырявых. Две не особо-то нужных винтовки и надоевшее рытьё неглубокой могилы с поспешными похоронами. А потом загрузка в довольно тесный кузов скромного грузовика солидного количества вещей.

Проверив, не оставили ли мы чего-нибудь, прихватив не замеченные раньше ящички мин и присыпав землёй натёкшую из убитых кровь, мы с худощавым устроились в кабине. Ольга села в кузов у заднего борта, занавесившись шторкой брезентового тента, а раненый — впереди справа. Он уже успел отстегнуть несколько креплений, освободив участок кузовного покрытия — ему, если отогнуть уголок, стало удобно переговариваться с тем, кто сидел на пассажирском месте в кабине. А был это худощавый, потому что я сразу направился туда, где должен находиться водитель. Думаю, справлюсь. Так, если на память, в этом древнем автомобиле должно быть три скорости вместо четырёх или пяти в привычных для меня легковушках, и педаль сцепления надо нажимать дважды. Ехать же я намеревался просто как можно глубже в маячащий неподалеку впереди лес. Сейчас очень хочется спрятаться.

Пока разбирался с тем, как тут что включается, мой сосед зашуршал картой, нашедшейся неведомо где. Немецкая, но надписи латиницей более-менее понятны. Главное же то, что он уже и с нашим местом определился. Дорога с насыпью ведёт к железнодорожной станции, а просёлок — в деревню. Направление для себя я сразу определил — если проехать пару километров по шоссе налево, то будет ещё одна дорога направо, ведущая в лесной массив, где не видно ни одного населённого пункта.

Завёл мотор, немного поиграл рычагом переключения передач и педалями сцепления и

газа, а потом плавно тронулся, сразу свернув к отсыпанной дороге. На ней по-прежнему не наблюдалось никакого движения, полотно было ровным и очень пыльным, отчего сзади поднялось густое облако. До нужного места мы докатили за считанные минуты, и тут из кузова справа высунулся наш раненый:

— Мотоциклы сзади. На дороге появились примерно в километре, но сейчас их не видно за шлейфом.

Переехав по следам тележных колёс через неглубокий кювет, заехали в просвет между низкорослыми деревцами.

Я немного прибавил скорости — после зарослей, исхлеставших ветвями тент, перед нами открылся широкий луг, покрытый густой высокой травой. Эх, если бы такая росла там, где мы были утром! Ползи в любую сторону — с десятка шагов ничего не разглядеть. Колёи под колёсами скорее угадываются, чем видны, машина идёт плавно — здесь ровно и не разбито. И впереди кромка леса с просветом там, куда ведёт дорога. Хороший прямой участок заканчивается, когда из кузова снова докладывают:

— Мотоциклисты выскочили и гонят за нами. С колясками и с пулемётами. Двое.

Едва оказавшись за деревьями, принимаю вправо, останавливаю и глушу мотор. Мы с худым выбираемся со своих мест и начинаем искать позиции для стрельбы. Ольга и раненый уже выставили стволы винтовок через задний борт грузовичка — готовятся к встрече немцев.

— Я первая стреляю, — громким голосом сообщает девушка. — Снимаю пулемётчика с дальнего мотоцикла, а Фимка — водителя. От нас видно дальше, а вы ложитесь, — это уже нам. — Миша! Левее, а то тебе помешает бугор.

Устраиваю цевьё винтовки на толстое корневище и вслушиваюсь в приближающееся тарыхтение. А вот и фашисты — их тут видно далеко. Беру на мушку водителя переднего экипажа, успокаиваю дыхание и слышу сухой треск выстрела. Давлю на спуск — попал. Да и как тут не попасть, если до цели оставалось метров тридцать. Один мотоцикл перевернулся и крутит задравшимся кверху колесом, продолжая работать двигателем. Второй кружит — упавший мотоциклист удерживает руль в положении, отклонённом в сторону коляски.

Мишка (теперь я всех нас четверых знаю по именам) бежит, прыгивает на заднее седло, сбрасывает убитого и глушит двигатель. Я же просто выключаю зажигание перевернувшегося мотоцикла. Сухой треск выстрела — кто-то из ребят, что остались в кузове, кого-то добил.

Вдвоём с товарищем возвращаем трёхколёсную машину в нормальное положение, грузим убитых, запускаем моторы и увозим в лес — подкараулили мы их ещё на открытом месте. Фимка уже идёт к нам с двумя лопатами:

— Салют, могильщики, — и лучится своей доброжелательной улыбкой.

— Люблю такую работу, — плюю на ладони и загоняю лопату в грунт. — Готов без выходных с утра до вечера хоронить немчуру, — киваю товарищу. Мишка хмурится, но копает с энтузиазмом, а Ольга с отвращением на лице помогает сдирать с трупов обмундирование. Буквально через минуту Мишку выворачивает приступ рвоты. К нему присоединяется Фимка, и тут же скручивает меня. Девушка всем видом показывает, как глубоко и искренне нам сочувствует.

— А всё равно лучше их хоронить, чем наших, — говорит она тоном Снежной Королевы и подозрительно бледнеет.

— Справишься с автомобилем? — спрашиваю я Фимку, когда с погребением закончено.

— Нет, не умею, — отвечает тот смущённо. А я озадачиваюсь, потому что это же диверсанты, прошедшие подготовку, хотя и совсем юные — выглядят они, как школьники

старших классов.

— Я могу, — вмешивается девушка, зарабатывая удивлённые взгляды обеих парней.

Не заостряя внимания на своём недоумении, приношу из кабины карту — пора выбрать укромное местечко. Собственно, оно отыскивается неподалеку — километра четыре по этой же чуть заметной дороге. Только ребята указывают на ручей, а я ратую за маленькую возвышенность в километре от неё.

— Отсюда подходы просматриваются, — подумав с минуту, поддерживает меня Мишка. — А вода у нас в большом бидоне в кузове имеется. Там не меньше двух вёдер. Так что Иван прав.

Садимся и едем. На этот раз колёса постоянно «спотыкаются» о корневища, камни и обломки древесных стволов. Нависающие и торчащие отовсюду ветки норовят содрать с машины тент или выбить мотоциклиста из седла — каски и водоотталкивающие плащи оказываются далеко не лишними, как и очки-консервы. Добравшись до места, осматриваем с Мишкой окрестности уже пешим порядком — бугров и ложбин тут навалом и есть где спрятать грузовик. В чахлах зарослях на самом верху имеется местечко, откуда просматривается три четверти округи — поляна, луговина и часть лога, которым мы приехали. Если судить по карте, обзор отсюда вообще должен быть круговым, но густой подлесок перекрывает видимость между стволами высокого сосняка, занимающего около четверти обозреваемого пространства.

Тем не менее остаёмся здесь — идеальных мест не бывает. Тут вот до воды километра полтора — еще дорогу разведывать нужно. А пока главное — срочно разобраться в обстановке. Прежде всего — с самим собой. Узнать хотя бы, кто я и откуда. И есть ужасно хочется.

— Фим! Свари, пожалуйста горяченького. А вы, — смотрю на Ольгу и Михаила, — осмотрите пулемёты и подбейте баланс по патронам к ним. Я тем временем разберусь с горячим.

Ребята молча приступают к исполнению порученного — ни слова поперёк. Спускаюсь к ложку, где под нависающими ветвями мы спрятали нашу технику и палочкой проверяю уровень топлива в бензобаках — ещё не финал, но и обилия не наблюдается. Нахожу моторное масло и запасные канистры — пустую и полную.

Вижу, как Фимка отправляется за дровами, и лезу в кузов к немецким ранцам. В третьем отыскиваю складную плитку и початую упаковку сухого горючего. Прихватываю консервный нож — их копии после войны делали у нас, так что системы знакомые. Помогаю установить над огнём котелок. Нащ, с круглым дном, в который больше вмещается. Ольга подходит.

— Пулемёты исправны. На каждый по круглой коробке с лентой на полсотни патронов и по две такие же ленты просто так лежат. То есть дважды по полтора на всё про всё. Негусто, в общем.

Мы отводим взгляды от котелка, куда повар всыпает пшёнку, делаем по судорожному глотку и возвращаемся к машинам. Тут Миша разбирается с плащ-палатками, скрепляя их так, чтобы укрыть мотоциклы. Мы же проводим ревизию подсумков, пересчитывая доставшиеся от сапёров боеприпасы. Вещей, конечно, много, но если не таскать их все на себе... да и слышал я когда-то, что патронов много не бывает, а провизия имеет привычку заканчиваться. Опять же тут и инструменты на самые разные случаи. Пилы, топоры, сундучок с напильниками и тисочками. Гвозди и телефонный провод на катушке для полевой прокладки, взрывмашинка — целое богатство во вражеском тылу. Хотя тола нам в трофеях

досталось немного — килограмма три. Зато из своих мешков и тех, что остались от погибших товарищей, набралось пуда полтора вместе со взрывателями замедленного действия.

Спонтанно начавшаяся ревизия сокровищ прекратилась, как только поспела каша. Усевшись кружком вокруг котелка, мы взялись за ложки и, черпая по очереди, уже вскоре выбрали её всю без остатка. Фимка заправил своё варево салом и тушёной, отчего оно в наших глазах сильно выиграло.

— Тут такое дело, ребята, — проговорил я самым безоблачным тоном. — Память у меня начисто отшибло. Я бы и имени своего не вспомнил, если бы Ефим не намекнул. Ваши я тоже узнал уже из разговоров. Кто-нибудь может про меня рассказать? А то просто неудобно перед самим собой.

— Ты и про нас ничего не помнишь? — обиженно пролепетала Ольга и густо покраснела под укоризненным взглядом Михаила. — Нет, я тебя даже не обнадёжила, но ты ведь ухаживал за мной.

— И ещё поухаживаю, если не шуганёшь, — поспешил я её успокоить. — А долго я за тобой бегал?

— С полгода, с зимы. Мы случайно познакомились и стали встречаться по выходным. Гуляли просто так, разговаривали. Ты меня со своей мамой познакомил, когда мы ней на улице столкнулись. Она доктор. А про отца ты мне не ответил.

— И мне не ответил, — поддержал разговор Миша. — Мы с тобой заходили к вам перед тем, как отправиться на курсы, уже после комиссии, когда получили повестки.

— Мы вообще познакомились как раз перед комиссией. Ты на меня зыркал, как на врага. Наверно, к Ольге ревновал. Думал, набросишься, — добавил Фимка. — Но она посмотрела на тебя строго и попросила меня проводить её, потому что ты был ещё занят.

— То есть ты крутила мной, как хотела, — шутливо посмотрел я на девушку.

— Не крутила, а боялась, что ты в него вцепишься. Надо было вас срочно развести. Ты вообще всегда очень остро реагируешь на то, что тебе кажется неправильным.

— То есть ни одноклассника моего, ни друга детства среди вас нет, — кивнул я своим мыслям.

Ребята покрутили головами, а потом Миша сообщил мой домашний адрес, а Оля номер школы и класс, где я учился. Получается, ещё год до получения аттестата. Рассказали, что все мы добровольцы, окончившие ускоренный курс диверсионной школы, и что война уже почти месяц как началась.

— Так я же никакого ускоренного курса не помню, — пришлось заострить внимание товарищей на этом обстоятельстве.

— Это ничего. Мы тебя всему научим, — пленительно улыбнулся Фимка. — Зато ты после удара по голове стал намного шире мыслить. А то все в драку лез.

После этих слов я стянул немецкую пилотку и стал ощупывать череп — всё цело.

— Нет там ни одной царапины, — успокоила меня Ольга. — Осколки от той мины выше прошли, потому что ты полз на животе и Фимку волок. Не заметил, как проволочку зацепил. А вот взрывная волна, видимо, достала. Как у тебя со слухом?

— Похоже, порядок, — тряхнул я головой. — А как мы на мины напоролись?

— Загнали нас, словно зайцев, — вздохнул Миша. — Мы затемно до дороги не успели, потому что заплутали из-за болота. Уже после рассвета дошли, хотя и ранним утром. Осмотрелись да и перебежали быстренько, пока никого нет. А тут пешая колонна откуда ни

возьмись. От неё нас и разглядели, потому что мы не залегли сразу, а начали перебегать к лесу. Помнишь ведь, что кустов там нет, а трава клочками. Вот нас и обнаружили, да прижали из пулемётов. А про минное поле, думаю, и немцы не знали.

Я разложил немецкую карту, на которой мы всё, что позволял масштаб, хорошенько разглядели. По расчёту времени получалось, что эта самая колонна выступила от железнодорожной станции как раз в рассветных сумерках и успела прошагать километров десять.

— Не удивлюсь, если завтра в то же время в том же месте снова окажется подобная цель... — начал я формулировать мысль.

— А продольный пулемётный огонь да по плотному пешему строю... — подхватил Миша.

— Только кюветы нужно заминировать... — развила идею Оля.

— И ноги потом унести... — резюмировал Фимка.

— А поэтому предлагаю вздремнуть до вечерних сумерек, — окончательно подвёл черту я. — Укладывайтесь, посторожу. — Странное дело — все дружно меня послушались, устроившись тут же в кустарнике на пятнистой немецкой плащ-палатке. И заснули быстро, словно набегавшиеся дети. Только револьверы из карманов достали, чтобы не давили под боком. А я чистил отнятый у Фимки парабеллум, поглядывал во все стороны и чутко прислушивался.

Откуда мне известно, как обращаться с вражеским пистолетом? Так ниоткуда. Просто разобрался неторопливо, догадываясь и пробуя разные варианты. А вот к нагану мне прикасаться было страшновато — никогда не держал в руках револьверов. Да и нет надобности его чистить, потому что из него я не стрелял.

Разбудил ребят, когда солнце совсем уже собралось спрятаться за горизонт. Как раз сварил кофе из трофейного и нарезал черного хлеба из запасов диверсантов. Сала напластовал четырёхмиллиметровыми ломтиками, да и растолкал всех потихоньку.

Кофе оказался не полный эрзац, а вполне со вкусом и даже с запахом. Ефим с Ольгой восприняли его привычно, а Мишка сначала обнюхал, потом лизнул и, наконец, хлебнул с недоверчивым выражением на лице, но кривиться не стал — значит, с количеством сахара в напитке я угадал правильно. Потом мы неторопливо собрались, загрузив полные мотоциклетные коляски снятых немцами мин, да и потарахтели без поспешности по ухабистой лесной дороге, страдая от мешающих ветвей.

Объездными лесными грунтовыми дорожками добрались до места только через час после наступления темноты — в потёмках и с фарами в этих местах особо не разгонишься, а уж в неверном свете луны и подавно. Подобрались мы как раз к тому самому месту, где были сегодня утром, только с другой стороны — откуда менее суток назад начала переходить дорогу наша тогда ещё большая группа. Дело в том самом подлом повороте, из-за которого оказалась не видна приближающаяся пешая колонна. Как раз на нём я и встал в дозор. А к другому повороту, что дальше, выдвинулся Ефим.

Миша с Олей занялись минированием. Парень копал ямки, устанавливал ящички и маскировал, а девушка вкручивала взрыватели и настораживала их. Мины были все натяжного действия, то есть имели простейшее устройство, но требовали аккуратности при работе из-за приводящих их в действие проволочек — самим бы не зацепить ненароком!

К рассвету управились и принялись оборудовать огневую позицию — лежащие окопы без брустверов и мелкие, для переползания на брюхе, траншеи, ведущие в заросшую кустами

низину, где и дожидались нас мотоциклы.

Оля с Мишей скрепили по три ленты в одну, то есть приготовили к использованию сразу весь боезапас и выложили его рядом с пулемётами, подстелив мотоциклетные плащи. Долго устраивались, упирая ноги в заднюю стенку неглубокого окопа, и даже выкопали ямки под сошки.

Потом потянулось томительное ожидание, продолжившееся до самого вечера. Уже думали, что напрасно потрудились, когда по пустынной весь день дороге проследовало несколько пароконных повозок, в числе которых имелась и полевая кухня, а спустя полчаса из-за поворота показалась пешая колонна, двигавшаяся не в ногу, но энергичным шагом.

Огонь наши пулемётчики открыли без команды, как только строй вытянулся на прямом участке в линию и оказался между установленными нами минами. Метров с семидесяти, если считать от головы. Немцы падали, разбегались, подрывались, валились. Пулемёты перешли с длинных очередей на короткие и вскоре смолкли — патроны закончились. Я схватил выплюнутые Ольгиным МГ пустые ленты, распавшиеся на три отрезка, завернул в плащ и торопливо пополз вслед за волочащей тяжёлый и горячий пулемёт девушкой. Доносящиеся сзади крики и стрельба меня ничуть не волновали, потому что весь налет длился около тридцати секунд. За это время организовать хоть сколь-нибудь осмысленное преследование невозможно. А мы уже запрыгиваем на мотоциклы и укатываем по лесной дороге, теряясь среди густых, с виду непролазных зарослей.

Глава 2

Мост

Утро мы встретили в неизвестном месте на берегу незнакомой речушки, потому что ночью заблудились в потёмках и из-за спешки. Кашеварить вызвался я — Ольга меняла повязку Ефиму, а Миша вскарабкался на дерево и осматривался, пытаюсь сориентироваться. Более всего нас смущала близость деревни, окраина которой наблюдалась километрах в трёх ниже по течению. Во-первых, мы старались ни в коем случае не приближаться к жилью, а во-вторых, не могли её надёжно опознать, исходя из самого пристального изучения весьма подробной немецкой карты. Словом, всю группу накрыл приступ глубокого географического кретинизма, сдобренного изрядной дозой усталости, разбавленной натуральной нервной трясучкой.

Лично меня неслабо плющило, Мишку колотило, Ефима трясло так, что он обеими руками держал нашу санитарку за брючный ремень, уткнувшись носом ей в живот, отчего той пришлось обрабатывать заметно подзажившую рану, перегнувшись через его плечо. А я не решался посолить уже доходящее до готовности варево — опасался переборщить. Словом, внезапно передо мной оказались перетрусившие дети, причём и сам я ощущал себя аналогично. Одна Оля держала себя в рамках, изредка громко всхлипывая.

А я-то думал, что после такой встряски люди катаются от хохота, радуясь, что остались живы. В бой никто не рвался и о делах говорить не желал. Мы до вечера умяли пять полных котелков каши, куда для наваристости обильно добавляли мелко покрошенную немецкую копчёную колбасу, четыре раза искупались (кроме Фимки, который пару раз мирно помылся на берегу, оберегая повязку от воды), и от всей души выпались в тени, поочерёдно охраняя сон друг друга. А потом уселись кружком, потому что я попытался выяснить, какое у нашей группы было задание.

Оказалось, что знал его только командир группы — парень парой-тройкой лет старше, у которого вместо нагана был ТТ, вместо ботинок — сапоги, а также имелись карта, часы и бинокль. Кличка у него была «Вадим», а настоящее имя никому не известно. Вообще, все двенадцать диверсантов до встречи в школе друг друга не знали — были знакомы только по псевдонимам. Поэтому и мы не демонстрировали никому того, что общались раньше.

Так вот — общая задача выглядела, как проникнуть в тыл врага, где проводить диверсии любых обнаруженных целей. Но все двенадцать человек несли по несколько килограммов взрывчатки и двигались одной группой, придерживаясь заданного командиром направления. Видимо, была и некая основная цель, знать о которой противнику не следовало, отчего и основную массу личного состава с ней не ознакомили. Вот так мы рассудили. А потом отыскиали на карте маршрут, которым двигались диверсанты — похоже, они шли к той самой станции, в десятке километров от которой и были обнаружены.

Ползая кончиком карандаша по загибонам речушек, которые в основном и запомнились ребятам в качестве ориентиров, мы наконец-то определились с местом. Далеконько нас занесло. Что же касается цели на станции, то да, определённый ущерб ей можно нанести, если с умом подложить доставленную взрывчатку, но только это задача не для дюжины подростков с наганами, а для подпольщика из местных, хорошо знающего железнодорожную специфику, или... ну, не знаю. Для опытного и искусного минёра, имеющего чётко

поставленную задачу.

С этими соображениями ребята согласились, но обратили моё внимание на расположенный неподалеку мост, уничтожение которого могло на несколько дней прервать железнодорожное сообщение. А что? Логично. Пока действует стальная магистраль, на шоссе особого оживления не наблюдается.

Вообще нам было лениво — апатия сменила возбуждение предыдущих полутора суток, что подкрепилось неопределённостью цели. В сумерках мы долили в баки горючего и покатали по заранее намеченному маршруту в сторону спрятанного грузовика, полагая, что поднятый нами переполох уже утих. Ехали медленно, с погашенными фарами, выбирая дальние обходные пути, позволяющие далеко обогнуть населённые пункты. За несколько километров до цели оставили своих «коней», тщательно замаскировав их и укрыв плащпалатками. А тут и рассвет, и начало новой днёвки.

Ребята снова стали деловитыми и сосредоточенными — наперебой учили меня и нагану, и пулемёту, и автомату с прямым рожком, который мы сняли с одного из мотоциклистов. Кстати, от них нам достались ещё пара парабеллумов, точно таких же, как и у фельдфебеля, командовавшего сапёрами. Ещё мы пошарили по округе, не выходя из леса на поле, вдоль которого проходила дорога — заметили землю, выброшенную из воронок взрывами, и подумали, что тут недавно проходили бои.

Действительно, проходили. Но ничего особо ценного отыскать нам не удалось — одна трёхлинейка с разбитым цевьём и покорёженным стволом, да пара шинельных скаток. Патронов в винтовке не было. Ещё нашли уничтоженную позицию с тремя повреждёнными 82-мм миномётами и абсолютно пустыми ящиками от мин к ним. Не слишком осыпавшиеся окопы были пусты — похоже, наши отступили упорядоченно, забрав раненых и похоронив убитых.

— Зачем они тебе? — как всегда дружелюбно улыбаясь, спросил Фимка, глядя на то, как я прячу шинельные скатки в коляску. — В такую-то жару!

— За летом часто приходит осень, после которой случается зима.

— Да к зиме уже и война-то закончится, — уверенно заявил наш поправляющийся. Его перестало кособочить, и он довольно уверенно помогал себе левой рукой.

— Нет, не закончится, — ответил я уверенно. — От Москвы Красная Армия фашистов отбросит.

— Как это от Москвы? — взвилась Ольга. — Да мы их... — и осеклась. На лице её нарисовался испуг от внезапной догадки.

— Фим! — вступил в разговор Миша. — Рассуди сам. Уже месяц, как по радио сообщают только об оставлении нашими войсками разных населённых пунктов, а об освобождении захваченных врагом территорий — нет. Получается — не выходит у нас быстрой победы. А как немец умеет воевать, ты на себе почувствовал.

— Так мы же их сколько накрошили! — возразил Ефим.

— Это случайность была, — тихим голосом пояснила Ольга. — Удачное стечение обстоятельств, которым мы сумели воспользоваться. Тоже случайно, — эта юная особа исключительно быстро соображает. А Мишка — просто рассудительный.

— В принципе, было бы логично обосноваться в этих краях и рвать железку, нарушая немцам сообщение, хотя бы на ближайших ветках, — пояснил я. — Даже возвращаться к своим не нужно, рискуя нарваться на неприятности при переходе линии фронта. Только это не получится — без провизии, взрывчатки и обмундирования нам долго не протянуть. Нас

радиоделу учили? Сможем мы связаться с нашими, если захватим рацию? Частоты там, шифры, график сеансов радиосвязи?

— Нет, — мотнула головой Ольга. — Курс был очень кратким. Оружие, подрывное дело и ориентирование, то есть — топография. Другая группа ещё с парашютами прыгала.

— И сразу заброска? — не понял я.

— Нас через линию фронта перевели полковые разведчики. Это было дней пять тому назад. А потом мы остаток ночи бежали, день пересидели на месте и снова всю ночь бежали, пока не перебежали ту злосчастную дорогу, — дополнил картину Фимка.

— Четыре дня, — поправил Миша.

— А столько уже всего случилось, — вздохнула Оля.

— Надо бы к следующему утру добраться до железнодорожного моста да рвануть его ко всем чертям, — «внёс предложение» Фимка.

— Надо прилечь и вздремнуть до сумерек, — поправил его я. — И откусать полноценно, пока хлеб окончательно не высох.

Фимка вздохнул и спрятал под прикрывающую мотоцикл плащ-палатку найденную сегодня разбитую винтовку. Он вообще такой — всё старается прибрать. Шинели он бы тоже прибрал, если бы я не взял их первым.

По моим прикидкам выходило, что ребята в этой диверсионной группе были не абы какие, а весьма неслабые физически. За две короткие летние ночи, неполную и полную, они преодолели более полусотни километров, причём не по рекортановой дорожке, а через леса. И не налегке, а неся на себе килограммов по семь-восемь. Внешний вид моих товарищей тоже на это указывает — мышцы у всех неплохо развиты — это я видел во время купания и когда Фимку перевязывали. Про Ольгу — не знаю — она купалась в длинной, до колен, нижней рубашке, не то что мы с Мишкой, сразу сменившие нательное бельё со штампами войсковой части на черные трусы и белые майки, найденные во вражеских ранцах. Но девушка изрядно сильна и рост у неё лишь немного меньше, чем у парней.

Опять же соображают все трое хорошо — жаль, что готовили их в спешке. Хотя по сравнению со мной они настоящие зубры диверсионного дела.

* * *

До железнодорожного моста мы дошли своими ногами к утру следующего дня. Вплотную подобраться не смогли, потому что у речки, через которую он переброшен, топкие и голые берега. Мост вообще-то довольно длинный, о трёх опорах и четырёх пролётах, потому что пойма здесь широкая, но сама речка узкая и мелкая. С другой стороны, пролёты не сильно большие и опоры невысокие. И вообще в подобных сооружениях я не эксперт. Зато отлично вижу, что деревьев или кустов на берегах нет — негде укрыться от взоров часовых.

И не поймёшь, вырублено это недавно, или тут всегда так было. Опять же без бинокля трудно разобраться, какие посты и где расположены, зато отлично видно, как пара патрульных у противоположного берега спускается с насыпи, проходит низом и поднимается обратно — фрицы пропадают из виду на время подъёма, чтобы вскоре снова появиться наверху рядом с деревянной будкой.

Можно предположить, что и на нашей стороне реки проходит тот же ритуал, однако этот конец от нас скрыт поворотом реки. А ещё патрули проходят по обоим берегам — тут даже

тропы протоптаны. Хорошо, что без собак — а то учуяли бы нас.

Отчего такие меры безопасности? Я тоже хотел бы знать наверняка.

— Кончился фарт, — сдавленным шёпотом прошелестел Фимка. — Про то, что от погони ушло несколько диверсантов, фашисты знают. После уничтожения, считай, целой пехотной роты они наверняка всё прочесали и никого не нашли, зато пропажу отделения сапёров с машиной и наряда фельджандармерии с мотоциклами, несомненно, обнаружили и внесли на наш счёт.

— Дождёмся темноты и попробуем подобраться поближе? — спросила Ольга.

— Дождёмся, а там поглядим, — кивнул Миша.

Я промолчал — и без меня всё сказано. А по мосту проследовал очередной состав, состоящий из платформ со щебнем и шпалами. Ни товарняка, ни техники я сегодня не заметил. Такое чувство, что на дороге идут какие-то работы.

— Может, они колею перешивают? — подумал вслух.

— Какую колею? — не понял Фимка.

— На наших железных дорогах рельсы расставлены шире, чем в Европе, — пояснила Оля. — Немецкие вагоны и паровозы просто так не проедут — провалятся. А советские вагоны железнодорожники должны были успеть отогнать к нам в тыл.

— Какой-то из царей эту подлянку придумал для врагов любезного отечества нашего, — пояснил я. — Не скажу наверняка, но вроде как Николай Палкин, когда повелел строить Октябрьскую железную дорогу от города Ленинграда до столицы нашей родины — Москвы.

Ребята разом повернулись в мою сторону с выражениями лиц от возмущённого до насмешливого. Потом Фимка фыркнул:

— Дошутишься! Ты при политруках такого не ляпни.

— Что-то мне подсказывает, будто ночью окрестности будут обшаривать прожекторами, — вмешался в разговор не потерявший серьёзности Миша.

— Увидим, — кивнул Фимка. — А откуда ты, Оля, про европейский размер между рельсами знаешь?

— Случалось бывать. Жила с родителями сначала в Испании, потом в Германии. Поэтому и понимаю немецкую речь, хотя по разговору за немку не сойду.

— Ты что? Дочь белоэмигрантов? — удивился Миша.

— И фамилия у тебя благородная, — добавил Фимка.

— Какая фамилия? — спохватился я.

— Бецкая, — не поворачивая головы, ответила Оля. — Из князей. То есть из бывших, как теперь говорят. Папа — ответственный работник по... торговой части. Он иногда подолгу жил в тех странах, где выполнял... свою работу. Ну и мы с мамой при нём состояли.

Я обвёл взором парней — Фимка выглядел озадаченно, а Мишка смотрел на меня с лукавинкой во взгляде.

— С графиней Любовью Орловой знакомства не водите, княжна? — спросил, постаравшись придать голосу искреннюю заинтересованность.

На этот раз на меня уставились распахнутые во всю ширь глаза девушки.

— С чего это ты взял, что актриса Орлова — графиня? — возмутился Фимка.

— Сама призналась, — хмыкнул я. — Помянула как-то, что в детстве встречалась с тогда уже сильно пожилым писателем Львом Николаевичем Толстым, который, между прочим, был самым настоящим графом. Стало быть, и круг общения имел по-настоящему графский.

Фимка лупанул пару раз глазами и шмыгнул носом. Эти ребята вообще не перестают меня удивлять. Вот этот парень тоже только что проговорился, хотя ума не приложу о чём — вместо повсеместно принятого нынче слова «артистка», он сказал «актриса», что звучит несколько непривычно.

После этого спонтанного обмена мнениями мы испуганно затихли, опасаясь, не услышал ли нас бродящий где-то по нашему берегу патруль, и усилили наблюдение.

Едва стемнело, как часовые включили прожектора и принялись обшаривать их лучами всю округу, а мы отползли и, осторожно пробираясь опушками и перелесками, вернулись к припрятанному нами грузовику. Всё бы ничего, но тяжёлые пулемёты, хотя мы и менялись, оттянули нам плечи своими ремнями.

* * *

Ефим сразу занялся ревизией съестных припасов — нарезал кубиками весь недоеденный хлеб, что диверсанты принесли ещё с нашей территории, и насушил сухарей под лучами жаркого летнего солнца. Подверг ревизии мешочки с остатками крупы, пересчитал банки трофейных консервов, долго перебирал незнакомые упаковки и заглядывал в свёртки — ещё на неделю хватит. А если не барствовать, то и на десять дней можно растянуть.

Оля перебрала и перемерила все накопленные нами мундиры, а потом засела за шитьё. Через пару дней она как-то что-то на что-то напустила, где-то подложила и перестала выглядеть женственно, когда переодевалась во вражескую форму. Нет, если с близкого расстояния, то эта маскировка никого не обманула бы, но метров с двадцати наша красавица вполне могла сойти за парня.

Мишка то кормил нас, то охранял, то носил воду с неблизкого ручья или мыл посуду.

А я поглядывал на них и видел, что каждый о чём-то думает. Собственно, большого секрета в предмете размышлений не оказалось — при акте опустошения очередного котелка с горохово-тушёночной фантазией Михаила была поднята тема уничтожения моста. Варианты предлагались на любой вкус. От подвесить к вагону поезда фугас и сбросить его на рельсы в нужный момент до подплыть по воде и подложить мину под опору. Лично мне нравился последний, поэтому я его и выделил сразу, поддерживая авторшу предложения.

— Ну, вот как ты думаешь? Немцы что, лодку не заметят? Или плот? — жестикулируя разведёнными в стороны руками, недоумевал Фимка.

— Так вплавь добраться. Проплыть пару километров вниз по течению не так уж трудно. В конце концов, река сама тебя к месту доставит. А из воды можно выставить только глаза и нос, прикрыв их пучком травы, будто это мусор плавёт, — резонно ответила Ольга.

— Полчаса без резких движений даже в летней воде достаточно, чтобы прилично озябнуть, — вмешался я. — Даже тебе с твоим подкожным жиром мало не покажется. А потом потребуется заползти на опору по кладке из бутового камня, не производя при этом шума и не лязгая на всю округу зубами от холода.

— Надеть что-нибудь.

— Мокрая одежда тяжёлая. Потащит вниз, — заметил Миша.

— Это для кого-то другого проблема, а я и в одежде не потону, — парировала девушка.

— Хорошо плаваешь? — поинтересовался я.

— Очень.

— Тогда мы с тобой и пойдём, но наденем на себя что-нибудь облегающее, шерстяное, желательное из плотной ткани.

— Шинельного сукна! — выдал Фимка. — Оно защитит тело от интенсивного омывания водой, уносящей тепло. — Мы с Мишкой удивлённо вперили взоры в нашего вечного балагура. — А что? Я всё-таки девять классов проучился, а физик у нас толковый.

— Можно ещё снизить интенсивность циркуляции воды сквозь толщу ткани, прикрыв сукно сверху листовой резиной, — вмешалась Ольга.

«Кажется, ребята на моих глазах изобретают гидрокостюм мокрого типа», — подумал я и ничего не сказал.

— Академики! — резюмировал Михаил. — Разбомбленную трёхтонку мы видели неподалеку от места, где спрятаны мотоциклы. Надеюсь, настрадаем камер из её колёс и нарежем из них нужных кусков.

— Если немецкие трофейщики раньше нас не подсуеются, — улыбнулся я. — Выходим в вечерних сумерках?

Все дружно кивнули.

* * *

До места одной из недавних днёвок мы дошли буквально за час с небольшим. В немецкой форме с винтовками и ранцами прокрались лесом к окраине обширного поля, на котором видели покорёженный взрывом грузовик и еще час искали эту разбитую машину, бродя среди высокой пшеницы, натываясь на размётанные взрывом обломки — при скудном свете ущербной луны оказалось непросто разыскать нужные нам части. Кабина с мотором и передними колёсами нашлась в стороне от кузова, задний борт которого мы и заприметили в прошлый раз, косо торчащим вверх. Ещё отыскалось отдельное колесо, возможно, запаска. Монтировка и ломик были у нас с собой, а Миша понимал толк в том, как это разбортовать.

— В МТС работал после семилетки, — объяснил он в ответ на шутливое замечание Фимки.

Так или иначе, три камеры мы добыли. А тут и рассвет забрезжил, и стало видно, что вокруг валяются разбросанные миномётные мины.

— Нам инструктор говорил, что их не стоит трогать, если непонятно, в каком положении взрыватель, — остановила Ольга мой порыв поскорее заобладать предметом, в котором, несомненно, содержится тол.

— Взрыватели для снарядов и мин, они вообще целая наука, — добавил Фимка. — В наш краткий курс минно-подрывного дела не уместились. То есть, если деваться некуда — можно попробовать выкрутить. Возможно, повезёт.

— Потому, когда их раскидало, могли взвестись и стать очень чувствительными, — добавил в заключение Миша.

Ребята продолжали вкладывать в меня те знания, которые успели вложить в их головы при ускоренной подготовке.

При слегка наладившемся естественном освещении я разглядел трубку, выставившуюся из-под останков мотора. Довылломал и прихватил с собой, потому что в голове возникла интересная мысль. Ребята как раз увидели ещё одно колесо с рассечённой осколком

покрышкой и теперь извлекали очередную камеру. Ольга озиралась по сторонам, охраняя нас от неожиданностей. Она неплохо смотрится с короткой мальчишечьей стрижкой, на которую расстарался не перестающий удивлять нас обилием разноплановых талантов Фимка. А то, пока он её не обкорнал, натягивала пилотку до ушей, чтобы спрятать волосы.

Помяв пальцами снятую с диска покрышку, я повесил её на плечо — попробую выкроить подобие ласт.

* * *

Роль закройщика взял на себя Ефим — сказал, что его этому папа учил.

— А чему тебя учила мама? — любопытствовал Миша.

— Заставляла ходить в музыкальную школу на класс скрипки, — улыбнулся наш черноволосый товарищ. — А сам я больше любил бокс — была по дороге секция в заводском клубе.

Шили, однако, все. Сначала плотно облегающие жилеты из шинельного сукна, потом короткие, до колен, штанишки из того же материала. Затем... что-то вроде чехлов на икры, предплечья и бицепсы. Их предполагалось обернуть вокруг нужной части конечности и зашнуровать продольно. Штанишки, кстати, шнуровались вдоль бёдер снаружи и удерживались шнуром на поясе. А поверх этого слой резины от камер тоже держался на шнурках и ремешках.

Сначала мы подумывали эти детали туалета изготовить на клею, но, с одной стороны, готового отыскалось маловато, а каучука, чтобы растворить в бензине, не было. С другой, без вулканизации получилось бы не слишком прочно, а как на наших размерах соединений провести этот процесс?.. Сшивать же листовую резину хоть и муторно, но можно. Скобочками из медной проволоки.

Ласты из покрышки получились загнутые носками внутрь и не слишком жёсткие, но приемлемые, а в качестве масок подошли противогазы из цилиндрических гофрированных коробок. Оставалось отделить фильтр и приладить загнутую металлическую трубку, конец которой следовало держать губами, вдыхая и выдыхая исключительно через рот. Лишние клапана пришлось заглушить, а герметичность заделки трубки в отверстие для крепления фильтра обеспечить сургучом. Не знаю, зачем немецкие сапёры возили его с собой вместе со специальной посудиною для разогревания, но оказался он крепким и правильно пах.

Когда экипировка была готова, мы отправились её испытывать, и заодно нужно было потренироваться, а то это ведь только у меня был небольшой опыт подводного плавания, полученный как-то в декабре в отпуске, проведённом в Хургаде. А в эти времена с подобной экзотикой мало кто знаком.

* * *

Это озеро мы выбрали по карте, за то, что к нему не вело ни одной отмеченной топографами дороги. Да ещё болото рядом — неудобное для посетителей место. Всю ночь добирались через лес, спотыкаясь о корневища и уворачиваясь от ветвей. А когда приблизились, учуяли дым — кто-то жёг костёр.

И правда — на бережку высился обстоятельный шалаш, рядом с которым маячила фигура часового. Ничего, кроме того, чтобы залечь и наблюдать, мы сразу и не придумали — то есть это явно не немцы, а контакт со своими нас интересовал. Пока в общетеоретическом плане, потому что наполнить результаты встречи конкретикой мы были не готовы.

Дождались рассвета, пронаблюдали смену часового и уход троих обитателей этого лагеря куда-то на северо-восток. Потом из шалаша появилась женщина в военной форме и некоторое время распорядилась деятельностью двоих красноармейцев. Затем она меняла повязку на ноге раненого, используя бинт, сохший развешенным на ветвях. Наконец в нашу сторону двинулся мужчина с винтовкой. Какое-то время он придирчиво выбирал укромное местечко, где обстоятельно пообщался с окружающей средой, внеся органику под одну из молодых осин. А уже когда он застегнул штаны и взял в руки оружие, до этого момента лежавшее рядом, вот тут-то я его и окликнул:

— Дяденька старшина, пожалуйста, не стреляйте.

— А ну, выходи, — резко обернулся на голос этот сурово настроенный человек.

— Не выйду, а то вы рефлекторно меня убьёте, — возразил я. — На мне вражеская форма. А я не желаю кровопролития — мне всего-то и нужно, что посмотреть ваши документы. А застрелить вас в то время, когда вы какали, мы могли легко и непринуждённо, но ведь не застрелили.

— То есть я на прицеле? — спросил старшина.

— Четырёх стволов, — пришлось признать очевидное.

— Мне что, винтовку бросить?

— Просто повесьте на плечо.

После этого я вышел из-за укрывающего меня дерева и показал на левый нагрудный карман:

— Дадите посмотреть? — Да, я нарочно избегал требовательных интонаций, поскольку старался не допустить возникновения стандартной ситуации, на которую старшина мог отреагировать тоже стандартно.

Документы были извлечены из кармана и переданы мне. Я их просто пролистал — было важно, что человек не избавился от них, и даже партбилет не выбросил.

— Рассчитываю на ответную любезность, — вдруг с ехидством в голосе произнёс мой покладистый собеседник.

— Пожалуйста, — отдал я лежавший в кармане зольдатенбух. — Только здесь не по-нашему и сплошные враки. Нет больше того парня, про которого это писали. И ещё я не имею права рассказать вам ни про моё имя, ни про звание, но поскольку решаю поставленную командованием задачу в предписанном районе, то имею право знать о подразделениях, оказавшихся в моей операционной зоне. Вы ведь понимаете? — всё это произносилось самым дружелюбным тоном.

— Это что? Допрос? — не повёлся на мою уловку старшина.

— Да чего там? — встрял из-за кустов Фимка. — Если какают, значит, имеют, что кушать. Если построили такой большой шалаш, значит, никуда не торопятся. Не будем отдавать им тушёнку. Наверно, они больше любят рыбу.

— Уверена, что в шалаше старший офицер. Раненый и нетранспортабельный, иначе они его унесли бы на носилках, а не сидели бы в жалкой сотне километров от линии фронта, — поддержала беседу Оля, тоже не показываясь на виду.

— Не рыбой единой живут, — также из засады прорезался Миша. — Фуражиров вон с

утра выслали в сторону Усатово. Если по-тихому картохи накопают, это ещё ничего, но если попытаются у жителей чего-нибудь купить или выпросить, могут на полицаев нарваться. А то и немцев на свой след наведут. Я так думаю, что нам нужно прощаться и сматываться.

— Вы уж простите, Антон Егорович, — сказал я, забирая у старшины «свои» документы. — Однако не могу не согласиться с товарищами.

— Ты погоди, Ференц, — вдруг спохватился мой «собеседник». — Доктор говорит, что генерала только через неделю можно будет нести, а до той поры, может?.. А то я тут скоро корни пушу.

— С нами, что ли, проситесь? — уточнил я.

— Ну да.

— Вечером в сумерках сюда приходите, а мы до той поры обсудим это дело с начальством.

* * *

Озеро это, если судить по карте, имело форму кляксы, то есть состояло из нескольких заливов и мысов, отчего вся его поверхность с одной точки не просматривалась. Поэтому мы не стали отказываться от намерения провести здесь испытания ныряльно-плавательного снаряжения — просто отошли по берегу на несколько километров и выбрали для своих целей прикрытую островом протоку. Здесь и принялись за дело. Недостатков в наших гидрокостюмах хватало — в одних местах тёрло, в других давило. У Ольги слетел левый ласт, конец трубки натирал зубы... и так далее. Поэтому инструменты и материалы, прихваченные с собой, не раз пускались в ход, пока мы не довели амуницию до более-менее внятного состояния.

А тут новая незадача — из леса появился утренний старшина в сопровождении ефрейтора и лейтенанта. Мы ведь не могли окружить себя постами и секретами, потому что все были заняты, вот и попались.

— Арсенал у вас богатый, — миролюбиво отметил лейтенант, не вынимая из кобуры табельного ТТ. Остальные на нас тоже оружия не наставляли и поглядывали без угрозы во взорах на ручной пулемёт, автомат и две винтовки, сложенные рядом с ранцами. Мы тоже за пистолеты не хватались — наши всё-таки. Да и заняты были — Фимка резал сало, раскладывая его пластинки по лепёшкам размером с оладушку, что мы нажарили из размоченных пшеничных зёрен. Я устраивал на просушку суконные детали гидрокостюма, а Миша боролся с узелком шнуровки на Ольгиной руке.

— По следам, что ли, отыскивали? — поинтересовался я, всматриваясь в ефрейтора. Очень уж он смахивал на коренного жителя Сибири. Имею в виду — на представителя малых народностей. Их ведь вроде как в армию не призывали, а это явно солдат-срочник. Пограничник к тому же. И винтовка у него со щелястым цевьём и целым хозяйством в окрестностях мушки.

— А что это ты, Ференц, так на Лючкина уставился? — полюбопытствовал старшина.

— Да вот гадаю, может ли он белке в глаз попасть?

— В голову, — поправил меня ефрейтор без всяких особенностей речи или акцента — по-русски он говорил чисто, — чтобы шкурку не испортить.

— У вас патронов не найдётся для добрых людей? — вдруг невпопад спросил лейтенант.

— Наших от трёхлинейки нет, только к нагану немного имеется. Да и немецких винтовочных всего на две неполных ленты наскребли, — отозвался Миша.

— А медикаментов каких или бинтов? — включился в расспросы старшина.

Ольга достала из ранца солидный свёрток и щедро поделилась трофейными перевязочными пакетами — у нас их хватало. И советских бинтов добавила, оставив немного себе. В обтягивающей суконной жилетке и облегающих штанишках она смотрелась улётно.

Забрав стопку с мундиром и солдатские ботинки, она скрылась в зарослях.

— Забавно было наблюдать, как вы одну девку втроем раздеваете, — негромко произнёс лейтенант, проводив её восхищённым взглядом. — Так вы не иначе мост собрались подрывать?

— Если имеете возможность помочь взрывчаткой, мы бы не отказались, — вернул Фимка.

— Нет у нас тола, — вздохнул старшина. — А что за мост?

— Железнодорожный, — ответил я. — На каменных быках.

— Бетонных?

— Да не разглядели мы в точности, потому что без бинокля, а близко не подобрёшься из-за патрулей. Ледоломы, что вверх по течению сориентированы, определённо бетонные, а та часть, что стоит — как будто сложена из здоровенных каменюк. Ну и фермы железные сверху.

— Бетон или каменная кладка — без разницы. Толу-то сколь у вас?

— Килограммов тридцать без малого.

— Этим вы только выбоину сделаете. Ну, или, может, найдёте нишу для минирования — тогда будет толк.

— А вот эти топорики у вас в петличках — это значит, что вы сапёр? — полюбопытствовал я, кивая на значок рядом с «пилой» из четырёх треугольничков.

— А галстук свой пионерский ты только в школу носишь? — с ехидством в голосе ответил вопросом на вопрос старшина. — Короче, ребятки, ваши тридцать килограммов нужно закладывать в места соединения ферм и опор. И не одним фугасом, а так, чтобы порвать стальные конструкции в узлах соединения. Тогда пролет упадёт одним концом, и будет немцам на несколько дней ремонта с использованием тяжёлой техники, которую ещё нужно подогнать.

Фимка вытащил большой трофейный блокнот и подал карандаш:

— Нарисуйте, пожалуйста.

— И ещё подскажите, где искать эти самые ниши? — добавил Михаил.

Подожла Ольга, одетая во вражескую форму, и раздала бутерброды.

— После купания зверски хочется есть, — улыбнулась она смущённо.

В повествовании о сложности подрыва мостов относительно небольшим количеством взрывчатки товарищ старшина был крайне убедителен. Он поведал нам, как прикинуть количество тола, необходимое для того, чтобы перебить толстый металлический профиль, исходя из использования стандартных двухсотграммовых шашек. При обсуждении мест минирования указал на то, что желательно нанести повреждения в местах наибольшего напряжения конструкций в расчёте на то, что их вес усугубит нанесённый вред. Мы сами не заметили, как набросали эпюры напряжений для облика моста, который запечатлела наша память, и грубо оценили... Когда Оля так распахивает глаза, я всегда восхищаюсь их величиной.

А ещё у меня возникло подозрение, что передо мной переодетый полковник инженерных войск — умеет человек внятно и по делу доносить важнейшие сведения. У нас машины и механизмы в подобном ключе преподавал дядька, считавший, что приборостроителям шибко углубляться в вопрос не следует, но основы мы должны усвоить. Чего стоит курс сопромата за одну академическую пару!

Так что, расставаясь в вечерних сумерках со слопавшими все наши лепёшки и сало мужиками, мы прониклись сложностью предстоящего мероприятия. Из нерешённых вопросов оставались подъём от подножия опоры до настила, и крепление взрывчатки к металлоконструкциям. А ещё напрягало количество детонирующего шнура, имевшегося в нашем распоряжении — на память его было немного, но в точности не знаем, потому что не считали. Зато бинокль, который ссудил нам товарищ лейтенант во временное пользование, очень радовал, несмотря на предупреждение, что, если не вернём, он нас...

* * *

До места, откуда цель уже видна, но мы ещё можем остаться необнаруженными, добрались, как обычно, к рассвету. Мы вообще предпочитали передвигаться ночью и через лес, избегая дорог или открытых пространств. Медленно, конечно, и утомительно, но до сих пор все живы, потому что ни разу не встретились с немцами, которые любят торные дороги, а не колючие заросли.

Так вот, поезда по мосту уже ходили не только ремонтные, но и грузовые, и даже с пассажирскими вагонами. Наблюдения с применением оптики позволили выяснить много важных деталей и уточнить планы. А когда стемнело, ребята помогли нам с Олей зашнуроваться, спустить на воду груз и подобрать количество камушков, нужных для уравнивания тюков до нулевой плавучести. Потом мы поплыли, держась за концы длинного притопленного шеста.

Полчаса спускались вниз по течению, вяло шевеля ластами и стараясь показываться из воды как можно реже, пока не достигли ледолома центральной опоры, на который я и помог Оле выбраться. Она быстро скользнула вплотную к стене и приняла шест, вслед за которым втянула на верёвках обе упаковки с нашим хозяйством — ни криков, ни стрельбы, ни беготни не последовало, значит, охрана ничего не заметила, а то издалека и не поймёшь, что откуда просматривается, а что нет. Так что заранее уверенности в успехе не было. Полагались на темноту и собственные фантазии относительно того, что откуда видно.

Потом крюком на конце шеста мы поймали нижнюю ступеньку лестницы, что была приварена правее (если смотреть сверху по течению) опоры над водой, до которой сильно не доставала. То есть наш шест оказался наклонным, зато удачно пришелся по длине — мне было удобно его удерживать, пока Ольга по нему карабкалась. Потом — очередной подъём груза — просто лебёдка, а не девушка эта красотка наша. Ну а следом и я пожаловал — прыгнул с опоры, удерживая свой конец шеста, чуть покачался на нём, да и вскарабкался на лесенку, по которой проник в переплетение стальных профилей под настилом. Нам очень помогло то, что часовые тут не прохаживаются — только при смене караула проходит группа, но эти всегда придерживаются графика. И с любой стороны иногда пробегает луч прожектора, которым светят от сторожевых будок, обшаривая и окрестности, и поверхность воды, и собственно мост.

Работать в темноте и тесноте, имея под ногами редкие продольные и поперечные балки — не подарок. И это в состоянии ужаса, наполнившего меня, когда я собственными руками ощутил просто циклопические размеры металлических профилей, которые предстояло перерубить несерьезным с виду, похожим на хозяйственное мыло брусочкам. Мы приклеивали их к вертикальным полкам на патоку, которую изготовили выпариванием сахарного сиропа — запасы сладкого сразу иссякли, зато мы добились наличия в нашем распоряжении субстанции знатной липучести. И, если испачкаешься, можно просто руку облизать.

Клей этот держал не особо крепко, то есть со стенки шашка бы сползла, если бы ей не мешала другая, расположенная ниже — мы их размещали вертикальными столбиками и еще на нижнюю полку обязательно накладывали часть того же заряда. Так же местами приклеивали и детонирующий шнур, а потом установили два взрывателя. По времени — на час, и нажимного действия — на удачу. То есть, чтобы закладка сработала при проходе поезда, а то их как-то долго не проходило.

И тут, как назло, вдали засветился фонарь паровоза — мы мигом спустились по лестнице и, стараясь не всплеснуть, соскользнули в реку по всё ещё висящему на крюке шесту. Ласты отцепили от поясов и надели на ноги уже в воде. Когда за спиной грохнуло, выглянули — в рассветных сумерках отчетливо были видны громоздящиеся друг на друга вагоны, осевшая концом в воду ферма и суетливо шарящий во все стороны побледневший в свете нарождающегося утра прожектор. Взрывная волна нас не задела — бабахнуло не в воде.

Отдались на волю течения и через полчаса уже за поворотом речки выбрались на берег как раз в условленном месте.

— Идите сюда, лягухи, — позвал от кустарника голос сапёрного старшины. — Тебе, Ференц и пионерке твоей «отлично» за минирование.

Подтянувшиеся лейтенант с ефрейтором помогли нам избавиться от ласт и обуться. Мне в сапоги, а Оле в ботинки. А потом мы побежали вдаль от реки, стараясь как можно скорее увеличить расстояние между собой и теми, кто, скорее всего, попытается нас отыскать. В форму мы переоделись спустя километра полтора и дальше уже, развернувшись цепью, как будто прочёсываем местность, пошли энергичным шагом, держа общее направление на восток. Сейчас наша задача — убежать и спрятаться.

Глава 3

Фугасы под шпалами

По дороге Ольга, поскольку владела немецким, носила знаки различия фельдфебеля и единственная из нас была вооружена автоматом, играла роль командира. Изредка отдавала команды, для ответов на которые мы выучили два слова: «Яволь» и «Цубефель». Причем она объяснила, что не важно, каким из слов отвечать на любую фразу, потому что её «распоряжений» мы всё равно понять не в состоянии, а учить нас некогда. На что старшина сдержанно улыбнулся и промолчал, одним движением брови удержав лейтенанта от попытки что-то сказать. Это на случай, если окажемся неподалеку от немцев — ши-то мы открыто и легко могли нарваться на любую встречу.

Деловито, цепочкой, вышли из леса в месте, где не наблюдалось ни постов, ни патрулей, поднялись на насыпь железной дороги, прошли по ней пару сотен метров и спустились с противоположного откоса тоже в сторону леса, который и стали прочесывать, углубляясь в чащобу.

Вообще-то пока следов вырубки растительности вдоль путей не наблюдается — партизанское движение не набрало силу и до начала рельсовой войны остаётся немало времени.

Следующим вероятным препятствием на нашем пути являлось то самое шоссе, при переходе через которое группа впервые попала в неприятности. К нему мы приблизились, идя оврагом, которым убегали в тот страшный день. Сегодня мы его «прочёсывали», пока не выбрались к дороге неподалеку от памятного минного поля. И обнаружили добавку к пейзажу — аккуратное немецкое кладбище с деревянными крестами и табличками.

— Шестьдесят семь, — сказала Оля, пересчитав могилы. — Да восемь сапёров, два водителя и четыре мотоциклиста — больше восьми десятков.

— Десять фашистов за одного убитого нашего, — кивнул я. — Большого мы пока не добились.

— Какие вы всё-таки идиоты, — вдруг не сдержался прислушивавшийся к нашему подсчёту старшина. — Чтобы вырастить и обучить солдата, нужно лет двадцать, а мост починят за неделю, да и всё, что погибло в том рухнувшем поезде, восполнят за короткий срок. Кроме сломавших себе шею в рухнувших вагонах. Самые болезненные потери для фашистов — живая сила. Причем именно строевые солдаты. Как вы их, кстати, столько положили в одном месте?

— Пешую колонну стрелковой роты обстреляли продольным огнём из двух пулемётов метров с семидесяти. А в кюветы заложили мины, — ответила Оля. — Но это была чистая случайность — вряд ли нам удастся повторить что-нибудь подобное.

— Случайно мины по обе стороны дороги. Случайно сразу два пулемёта в семидесяти метрах установлены для ведения продольного огня. А ведь не все скончавшиеся после встречи с вами остались здесь. Кто-то умер по дороге в госпиталь, кто-то на операционном столе.

— Опытный вы, товарищ старшина, — ввязался я в разговор.

— Третья война, — согласился мой собеседник.

— В Испании начинали? А потом финская? — сочувственно проговорила Оля.

Дождалась кивка и продолжила: — А разжаловали вас из-за?.. — она щёлкнула пальцем по горлу.

— Или шерше ля фам? — предложил я иной вариант. — Да это и не важно, — под странным взглядом собеседника срочно захотелось сдать назад. — Научите нас, пожалуйста, выплавлять тротил из разбросанных взрывом миномётных мин. А то мы сильно поиздержались, — поспешил я увести разговор подальше от, возможно, болезненной темы.

— Совсем? Всю взрывчатку до крошки истратили? — уточнил лейтенант.

— Есть с десятков кругленьких немецких шашек с заклеенной бумажкой дырочкой на торце.

— А ещё чему вас научить? — спокойным голосом спросил старшина.

— Нам много чего нужно, но вы ведь скоро уйдёте — понесёте генерала к нашим. Так что давайте ограничимся пределами возможного.

* * *

Свинчивать с мин колпачки и разбираться, в каком положении находится взрыватель, учил нас лейтенант. Он артиллерист. Попросил называть его Володей, не сводил восхищённых глаз с Ольги и из трёх разбитых миномётов, что оставались неприбранными на разгромленной позиции в районе поля, где мы собирали мины, соорудил один. Целых или не слишком повреждённых мин, таких, какими можно было выстрелить, нашлось одиннадцать штук — мы их припрятали до случая, а из остальных, из которых можно было извлечь взрыватель, под присмотром старшины выплавили взрывчатку, нагревая их в снятом с разбитого грузовика бензобаке. Не целом, а помятом и порванном — после доработки зубилом из него вышла металлическая емкость, куда мины входили тройками. Каждый раз их опускали в холодную воду, которую потом нагревали — так безопасней. И костер вместе с ёмкостью разместили на дне ямы, чтобы не было ветра, да еще и прикрывали сверху. Взрывчатка — штука нежная, твердил Антон Егорович. Он по-отечески за нас переживал, хотя лет ему, на мою оценку, немного за тридцать.

Расплавленный тол выливали по три мины в одну форму, получая бруски, в каждый из которых вклеивали, пока не затвердело, половинку немецкой цилиндрической шашки. А то, сказал старшина, может и не подорваться от капсюля-детонатора. Формы сделали из дощечек, которые нашлись тут же, на поле — на них разлетелись ящики, в которых везли собранные нами мины.

Стрелять из миномёта мы выучились теоретически, хотя устанавливать его и наводить пришлось на практике и до пота. То есть до момента опускания мины в ствол всё было по-настоящему. В объёмах самого краткого интенсивного курса, естественно.

Добавлю, что встречались мы со старшими товарищами всегда в условленных местах, избегая показывать им основной лагерь. И имён своих не называли. Меня окрестили Ференцем, как было написано в солдатской книжке, которые на всякий случай все мы носили в кармане — в случае чего, хотя бы на секунду отвлечёт внимание немца, если нарвёмся на что-то вроде проверки документов. Из этих же соображений Ольга оказалась Куртом, Фимка — Гейнцем, а Миша Генрихом.

Да, мы тихо сидели в глухом углу — то, что ефрейтор Лючкин несёт постоянную дозорную службу по нашей охране, устраивало всех.

— Пора прощаться. Сегодня вечером снимаемся и идём к фронту. Будем прорываться, — предупредил нас старшина. — Можете присоединиться, ведь своё задание вы уже выполнили.

— Спасибо, что позвали, но у нас ещё дела остались, — поблагодарил я и отметил острую тоску в глазах лейтенанта Володи. — Немцы сейчас начнут получать по сусалам в районе Смоленска и захотят увеличить перевозки по здешней железнодорожной ветке.

— Неужто поворот в войне? — обрадовано спросил Лючкин.

— Поворот не получится, только задержка в темпе продвижения, но сопряжённая со значительными потерями. Для вас это значит, что стоит отклониться севернее. Оттуда немцы могут отвлечь силы на главное направление, так что есть шанс обойтись без прорыва — тихой сапой нащупать зазор, без шума снять заслоны и пробраться на мягких лапках. Ну, не могут фашисты быть одновременно сильными повсюду!

— Хм. Слушайте, ребята. Мы вот всё кумекаем, откуда вы такие странные? — сменил тему старшина.

— Есть предположение, что дети белоэмигрантов, сочувствующие коммунистическим идеям, — высказался лейтенант.

— С чего бы это? — удивился Фимка.

— Так вот барышня ваша давеча про красного командира сказала, что он офицер. А офицеры у белых были или при царе.

— Княжна! Нас раскрыли. Какой ужас! — воскликнул я и протянул руку Оле. Та не замедлила подать свои пальчики, которые я церемонно чмокнул.

— Но, милостивые государи, — обратился я к слегка прифигевающим взрослым, — надеюсь, вы не выдадите этой невинной тайны. Если нас прогонят из пределов любезного отечества наших предков, граф будет искренне огорчён, — я покосился на Фимку, который выглядел слегка обалдевшим. Чтобы интенсифицировать мыслительный процесс товарища, Миша двинул того локтем.

— А! Да. Буду ужасно огорчён, — поспешил согласиться Ефим.

— Барин страсть как уважает вечерком после баньки мостик взорвать железнодороженький или составчик с военными грузиками направить под откосик, — развил мою мысль Миша. — А без этого у него болезнь рассудочная аглицкая приключается, сплин.

Эта фраза добила Ольгу, которая залилась серебристым смехом. Потом фыркнул Фимка, и понеслось веселье на пару минут.

— Артисты, — наконец успокоившийся старшина смахнул слезинку, выступившую от хохота. — Так что насчёт офицера? — он вдруг подобрался и стал серьёзным.

— Я действительно княжна, — просто ответила Оля. — В доме у нас в ходу многие слова из старой жизни, — и всем видом показала, что тема закрыта.

— Парле ву франсе? — вдруг не послушался Володя.

— Откуда? Родители на работе, а мне нужно в школе учиться и ещё общественные нагрузки тянуть. Так что никакого домашнего воспитания или гувернантки не было.

— Хватит об этом! — рыкнул я на собравшихся. — Есть более важный вопрос. Весточку нужно отнести о том, что каждую ночь с четверга на пятницу в час пополуночи мы ждём У-2

с тротилом и провизией. Место, — я достал карту и указал большую поляну, с трёх сторон окружённую болотами. — Как услышим звук мотора, зажжём цепочку огоньков, на которые и нужно садиться. Они будут прямо на земле.

— Скажете любому особисту, что имеете сообщение для начальника школы подполковника Гурова, — внёс окончательную ясность Фима.

— А потом терпеливо ждёте, пока он наведёт справки по своим каналам. Никакой срочности или важности не подчёркивайте. Просто весточка для подполковника. А само сообщение только адресату или тому, кто его замещает.

— А пароль? Или название группы? Имена хотя бы? — попытался хоть что-нибудь разузнать лейтенант.

— Ничего. Если встретитесь с кем надо — всё выяснится, — улыбнулась Ольга. — Вы на карту смотрите внимательно, чтобы место точно указать.

* * *

Звук мотора в ночной тишине мы уловили только на самом краю слуха и немедленно начали поджигать смоченные бензином тряпочки, помещённые в пустые консервные банки — на каждого пришлось по три таких светильника, расставленных метрах в тридцати друг от друга. Сбрасываешь крышечку, чиркаешь колёсиком зажигалки, отдёргивая пальцы от вспышки, и бегом к следующей точке, построенной по шнуру линии. Отбежали, залегли, слушаем.

Тональность звука изменилась — нашу взлётно-посадочную полосу заметили. Спустя несколько минут с небес спустился маленький биплан и аккуратно притёрся к земле — чувствуется рука мастера. Так получилось, что остановился самолёт неподалеку от меня. Встав на ноги, я осветил себя фонариком и громко спросил:

— Здесь мамонт не пробежал?

— Олени лучше, — последовал условленный отзыв, произнесённый мужчиной.

— Кто тебя, Кутепов, надоумил назначить такой идиотский пароль? — раздался из задней кабины женский голос.

— Так, Тамара Михайловна, — подключился к диалогу подбежавший Фимка. — Странно было бы среди леса спрашивать дорогу к библиотеке.

— То, что ни мамонты, ни олени в этих краях не водятся, только способствует правильному запоминанию, — вступился за меня Миша.

— А где Бецкая? — принялась крутить головой по сторонам женщина.

— Здесь, — ответила из темноты Ольга. — Не пугайтесь, сейчас тренькнет спущенная тетива, а болт я уже убрала.

— Какой болт? — уточнил выбирающийся из кабины лётчик.

— Арбалетный, из гвоздя стопятидесятчика со срезанной шляпкой, — объяснил Миша.

— Разговоры потом, — рявкнул я. — Гасим огни и тащим аппарат под деревья. Там маскируем и разгружаем. Пошли, пошли, бездельники.

Мы разбежались вдоль линии светильников, захлопывая крышки и собирая горячие консервные банки, прихватывая их за проволочные дужки. Потом взяли за хвост и крылья и покатали У-2 в прореху, давно присмотренную и расчищенную под густыми кронами крупных деревьев, где довели маскировку до совершенства сетью.

Из задней кабины доставались тюки и перетаскивались в палатку, собранную из тех же немецких плащ-палаток. Пока то да сё, я присмотрелся к прибывшим — женщина была изящна и миниатюрна, чего не смог скрыть мешковатый лётный комбинезон. К тому же молода и пластична. Возраст пилота я бы определил чуть за сорок. Некрупный и с бородой.

— Шрамы. Побился я как-то, — ответил он на незаданный вопрос, оценив наши взгляды уже в палатке, когда мы зажгли свечу.

— Рассказывайте, чего натворили с тех пор, как расстались с группой Кирмасова? — спросила Тамара Михайловна, сняв шлем и явив на наше обозрение короткую мужскую стрижку. Она оказалась очень мила лицом, но строга взором и требовательна мимикой. Поэтому Фимка послушно раскинул карту:

— Вот здесь мы заложили под рельсы фугас с взрывателем нажимного действия, — показал карандашом Миша. — Слышали взрыв и громкий скрежет, но сами ничего не наблюдали.

— У нас по плану занятий проходил марш-бросок на двадцать километров. Не могли задерживаться, — сверкнул своей очаровательной улыбкой Ефим.

— Здесь, — передвинул кончик карандаша Миша, — заложили ещё один фугас с нажимным взрывателем, но с предохранителя его не сняли. Немцы прогнали перед поездом мотодрезину с платформой щебня. Поэтому мину мы насторожили, только когда увидели голову поезда. Шнурочек дернули и вытянули колечко.

— Кто дёргал? — обвела нас взглядом проверяющая (так я её воспринял).

— Вчетвером тянули, потому что проволочная была бечева и землёй присыпана. Зато никто на путях не сверкнул и фашистов не насторожил, — объяснил я.

— Отлично тот поезд навернулся, — опять пленительно улыбнулся Фимка. — С танков аж башни пососкакивали.

— Откос высокий, скорость поезда большая, — пояснила Оля. — Только концевые вагоны остались на путях.

— Потом вот тут подготовили электроподрыв, — указал на новое место Миша. — Провод, понятное дело, прикопали, чтобы обходчики и объездчики ничего не заподозрили. Два состава пропустили из-за того, что они еле плелись, зато потом появился быстрый с крытыми товарными вагонами — его мы и рванули. Не знаем, что везли, но на порожняк не похож. К тому же шёл к линии фронта.

— Боеприпасы он вёз, — сообщила Тамара Михайловна. — Примерно половину немцы собрали и доставили с опозданием в несколько дней. Да, вы не одни тут. Подполье уже действует. Дам вам связь с ними.

— Только не это, тётенька, — непроизвольно вскрикнул я. — На подобных контактах группы, вроде наших, и сыплются. Немцы же не дураки, а места здесь малолюдные. Ихние, кто за всем присматривает, мигом сообразят и примут меры. Потому мы даже радиосвязь не просим — у них слежение за эфиром поставлено серьёзно. Сами посудите — команды сверху нам без надобности — цели известны. Отчитываться тоже смысла нет. Разведанных мы не собираем и ни в каких операциях принимать участия не способны. Напакастить и смыться наш удел.

— Извините Ваню, товарищ старший лейтенант, — заметив колючий взгляд гостыи, поспешила на мою защиту Оля. — Он после контузии иногда совершенно невпопад говорит.

— Наоборот, очень даже впопад, — рассудительно проговорил Миша. — Когда бы не его контузия, мы бы уже месяц висели с табличкой «Диверсант» где-то посреди одной из

деревень.

— Ладно. Извините, что отвлекла. Докладывайте дальше о творимых вами безобразиях.

— А дальше мы из последней взрывчатки закопали ещё один заряд вот здесь, — новая точка на карте. — Но взрывать его не стали — поезда начали ползти медленно — максимум пара вагонов упадёт, если рвануть. Немцы с этим за час справятся. Мы поступили иначе — тут в хозяйстве у сапёров нашлось несколько коробок с разными чудно маркированными патронами. Мы из них обстреляли цистерны, идущие малым ходом. Неплохой пожар получился.

— Бронебойными наделали дырок, а уж по мокрым бокам прошлись зажигательными — оно и занялось. Не знаем, чем дело кончилось, — добавил Фимка. — Потому что поезд так и ушел за поворот. Видели дым в той стороне, но подходить и разглядывать нас Ваня не пустил. Сами знаете — с контужеными лучше не спорить.

— Как выразился майор Кирмасов, таких бы контуженых, да побольше, — открыто улыбнулась Тамара Михайловна.

— Который под старшину косил? — не утерпел я.

— Да. Мост был задачей его группы.

— Вот гад! — воскликнул Миша. — Не дал нам взрывчатки. Из-за них Ольга с Иваном под мостом, как обезьяны, толковые шашки к фермам приклеивали и целую проводку детонирующим шнуром выводили.

— Не было у него тола. Не нашли они тюков со взрывчаткой после приземления. Прибились к выходящей из окружения группе, а тут вы являетесь. Ну, Георгий и решил не мешать вам, потому что ни он, и никто из его ребят так, как Кутепов с Бецкой, плавать не могут. А потом ему ещё и влетело за то, что не вышел сразу, как только задача оказалась выполнена. Устроил тут ускоренные диверсионные курсы... Вижу, они вам впрок пошли. Ой! Чуть не забыла! Всем вам от имени командования объявляется благодарность.

— Служим трудовому народу! — по-прежнему сидя кружком, негромко ответили мы.

— Тогда какая задача стояла перед нашей группой? — Миша всегда последователен и ничего не забывает.

— Та, что и была озвучена. Взрывать телеграфные столбы. Возможно, семафоры. Отвлекать фашистов от охраны моста.

— Думаю, это не сработало. Не настораживать нужно было врага, а умиротворять, чтобы он не усилением охраны объекта озадачивался, а пасторальными пейзажами наслаждался и дегустацией продуктов местного самогонварения, — отчётливо пробурчал я. — Указываю на ошибку в планировании, — и встретился с острым взглядом старшего лейтенанта.

Нет, она не сделала замечания, а только проговорила:

— Да. Последствия контузии очевидны. Так вот, немцы не сразу сообразили, что горят — дело ведь было в яркий полдень, когда пламя не бросается в глаза сразу. Цистерны доехали до разъезда, где ждал встречный с ранеными. Оба поезда выгорели, а линия была парализована на полсутки. Кажется, у контуженых расчётов с планированием не бывает, — закончила она язвительным тоном.

— Рассвело, — отогнул я завесу у входа. — Давайте открывать подарки.

Мы добротнo поели, сварив сразу два котелка горячего, а то в последние дни сидели на тайком выкопанной с чужих огородов картошке и лепёшках, что пекли (жарить уже было не на чем) из зерна — жали пшеницу и рожь штык-ножами и молотили палками на расстеленной тряпице. Этих продуктов было у нас далеко не в изобилии — мы ведь старались прятаться в лесах, проводя основную массу времени в переходах. А тут крупы нескольких видов, в числе которых даже гречка с рисом. Тушёнка, сало, бутылка растительного масла. Особенно обрадовались сахару и шоколаду — нас балуют, к гадалке не ходи.

Потом была «баня». Первыми мылись «девочки». Тамара Михайловна вернулась от бочажка, где проходила эта процедура, в мужской немецкой форме.

— С Лючкина сняла. Остальные висели на мне мешком, — пояснила она. — И да, собираюсь эту неделю погостить у вас.

Отоспаться нам помешал пилот — он, пока мы наслаждались «подарками», рысил по «аэродромной» поляне, потом подошёл к нашей собравшейся предаться Морфею компании и, отогнув пошире ворот комбинезона, продемонстрировал петлицу со шпалой. То есть из воздушного извозчика превратился в старшего по званию. И тут же пригласил младших командиров, к которым (судя по взгляду) отнёс всех, кроме Тамары Михайловны, пройтись с ним, прихватив шанцевый инструмент.

С инструментом проблем не возникло — сапёрные лопатки у нас всегда при себе, а вот с исполнением распоряжений товарища капитана мы хлопотали до ужина — засыпали промоины, что тянулись со стороны леса к болоту, к которому вёл уклон, начинавшийся много левее. Дело в том, что грунт здесь похож на тот, по которому мы в первый наш день огибали минное поле — трава на нем редкая, клочками, а под тонким слоем лёгкой песчанистой земли сплошная глина — исключительно неплодородное место.

Так вот! Промоины — они в глине. И засыпать их нужно тоже глиной, которую следует взять за пределами «лётного» поля. А потом утрамбовать и замести сверху той самой, похожей на песок, землёй.

Капитан, кстати, тоже впрягся вместе с нами, а Ольгу поставил на легкую работу — сделать несколько мелких канавок со стороны леса. Из них мы и добыли глину.

— Место вы выбрали толковое, но не довели его до ума, — мрачновато отметил он вечером. — Молодёжь зелёная — учить вас некому.

В темноте мы проводили самолёт и, навьючившись, как верблюды, отправились в путь — нам всю ночь шагать до района, где запланированы диверсии. Товарищ старший лейтенант принадлежность свою к командному составу всячески прятала. Не распоряжалась, спрашивала всегда мягко, демонстрируя не требовательность, а любопытство. Косила под рядового члена группы. То есть она вынюхивала что-то не вполне ей понятное, давая нам возможность проявить себя в обычной обстановке — без руководства сверху.

Следующую ночь мы копали, пробиваясь под шпалу в место, где на ней лежал рельс. Укладывали заряд килограммов на восемь, настораживали взрыватель и закапывали свой гостинец, унося лишний щебень на плащ-палатке. Верхний слой, снятый и уложенный тоже на плащ-палатку, возвращали обратно, с великим тщанием маскируя следы своей деятельности. А потом переходили на новую точку в четверти километра, где снова проделывали то же самое.

Работали в темпе вальса, чтобы успеть начать и кончить в промежутке между поездами на этом перегоне — интервал движения мы выяснили заранее, но без взрывчатки ничего

поделать не могли. А тут, когда нам привалило такое богатство... После этого праздника труда у нас (парней — «девочки» охраняли) ныла каждая мышца. А потом переход, к счастью, почти налегке, до места, где мы оставили продуктовые сокровища.

— А теперь у меня имеются вопросы, — самым настоящим командным тоном сообщила товарищ старший лейтенант. Ольга, устанавливающая котелок над плиткой с сухим спиртом, посмотрела на меня с выражением «А я тебе говорила».

— Слушаю вас внимательно, — повернулся я к гостье-ревизорше.

— Почему вы заложили фугасы не под рельс, а под шпалу? Ведь расход взрывчатки в разы больше.

— Чтобы немцы не нашли.

— А почему их поезда проходили, не вызывая подрыва?

— Взрыватели не сразу взведутся. Первый, кстати, уже, — издали донёсся ослабленный расстоянием характерный звук. — Вот. Первый пошёл. Второй приготовится к работе только к вечеру, следующий — наутро, и последний опять вечером, — вздохнул я. — Весь доставленный вами тротил и неделя моих трудов над взрывателями прервут железнодорожное сообщение на пару суток, не более.

* * *

Сильная женщина эта Тамара. Но умоталась с нами не по-детски. Ну да, мы-то за месяц привыкли к такой жизни, а она, кажется, начала засыпать на ходу.

— А где Бецкая и Куц? — спросила, когда мы добрались до тайника, где прятали материалы и инструменты. Это в том самом угнанном ещё в первый день грузовике — крепкий брезентовый тент хорошо укрывает наши сокровища от непогоды.

— На перегоне между разъездами Лупатово и восемьдесят четвёртый километр. За движением наблюдают и выявляют режим охраны.

— Я вам поесть сварю, — вдруг смущённо и суетливо сказала женщина, на что я повернулся к ней, поднял руки, словно нависаю, растопырил согнутые на манер когтей пальцы и страшным хриплым голосом скомандовал: — Спа-ать!

А что? Моя внучка очень любит, когда я её так укладываю.

Глядя на лицо товарища старшего лейтенанта, захрюкал, давась от смеха, Миша, а почувствовал себя неудобно — нехорошо получилось. Не в духе времени. Но, придя в себя, Тамара ещё более смущённо улыбнулась и послушно устроилась в гнёздышке из плащ-палаток в ямке на вершине возвышения, откуда хорошо просматриваются подходы. Миша ей все показал, постелил и, кажется, даже одеялко подоткнул.

— Ты такое страшное лицо сделал, — сказал он мне, вернувшись. — У неё даже рука потянулась к кобуре.

— Она не носит кобуры.

— К тому месту, где у наших пистолет, сзади справа. Рефлекс, однако. Не шути так больше.

— Мне тоже её жалко. Женщинам место дома рядом с колыбелькой, а не по лесам носиться под пудовыми вьюками.

— Про Ольку ты так не рассуждаешь, — ухмыльнулся Мишка.

— Её мне тоже жалко, — я уже закрепил на ящике тиски и принялся осторожно

подпиливать корпус взрывателя насаженным на длинную ручку надфилем — изготовление очередного сюрприза для оккупантов требовало вдумчивости и неспешности. А то ведь недолго и без пальцев остаться.

Поесть нам Тамара всё-таки приготовила, когда отдохнула. Она использовала те несчастные морковки, что завалились у нас, и соорудила варево чуть жиже, чем мы обычно стряпали. Потом долго пыталась меня про взрыватели и вообще относительно общих соображений, касающихся нашей живучести.

— Остальные группы так и не вышли, — сообщила она грустно. — Ничего про них не знаем.

— А ребята Кирмасова?

— Они не из нашей школы. Да и командир у них — старый вояка. Так ты говоришь, нужны взрыватели с большими замедлениями? Чтобы становились на боевой взвод через многие сутки после установки?

— Да. Порядка десяти. А, может, и больше — война-то ещё нескоро закончится.

— А как ты полагаешь, что дальше будет? — в этот раз она обращалась не к нам двоим, а посмотрела именно на меня.

— Мне-то откуда знать?

— А про бои под Смоленском откуда? — взгляд её снова сделался колючим. — Вы же тут радио не слушаете и газет не читаете. Даже с людьми не общаетесь словно затворники.

— Ну, если чисто умозрительно посмотреть на карту, прикинуть расстояния и качество наших дорог с поправкой на сопротивление, оказываемое Вермахту Красной Армией, то в сентябре немцы блокируют Ленинград, а в октябре попрут на Москву. С запада наши их будут ждать, поэтому сунутся с юга в район Тулы. А потом и с севера попытаются зайти через Клин и Дмитров. Да и с Волоколамского направления окажут давление — они ведь ищут слабые места вдоль дорог, а не ломаются через леса и болота. Потом их обескровленные наступлением войска наши и турнут как следует. Думаю, уже в декабре, по снегу.

Не знаю почему, но она не пыталась спорить. То есть не набросилась с упрёками насчёт неверия в силы непобедимой и легендарной, которая от тайги до британских морей — сильно умственная женщина и не чересчур политизированная. Хотя очень молодая — если и за двадцать, то не много. Только по нынешним временам худосочная — бицепсы тонкие, как у нерожавших.

— Тамара Михайловна у нас преподавала минно-подрывное дело, — вдруг ни с того, ни с сего доложил Миша. — И вообще она про взрыватели намного больше тебя знает.

— Знаю, что знает. И она знает, что я знаю, что она знает, — поспешил я остудить слегка разгорячившегося товарища. Он ценит подобное словесное кружево и чуточку расслабляется, если слышит навороченные выражения. — Вечерком прогуляй её к той закладке с электроподрывом, что мы так и не отпалили, и взрывашинку не забудь. Немцы, как восстановят движение через заминированный давеча перегон, сразу начнут торопиться скорее протащить накопившиеся на разъездах поезда — вот и подловите быстрый состав. Место там красивое, с высокой насыпью. Покажешь гостье, как с неё вагоны кувыркаются.

— Я идиот, Ваня, — вдруг огорчился Михаил. — Олька с Ефимкой пошли движение наблюдать, когда сама-то ветка порвана, пусть и на другом перегоне. Почему ты меня не остановил, когда я их посылал?

— Кстати, — заинтересовалась Тамара Михайловна. — А кто в вашей группе командует?

— Когда как, — развёл я руками. — Мы пока не определились.

— Знаем, что непорядок, — кивнул Миша. — Но спорить-то нам не о чем, поэтому единоначальник без надобности.

Глава 4

В темечко

К концу недели у меня горло пересыхало каждый раз, как Тамара Михайловна начинала свои расспросы. Вроде всё уже выложил, а ей нужно обсудить то тактику, то технику, то методологию — она исписала большой трофейный блокнот, которых у нас было несколько. А потом улетела — Миша сразу сделался грустным. Видать, зацепила она его крепко.

— А говорил, что для чувств не время, потому как война, — напомнил я ему внушение, которое он мне сделал как-то раз, когда я чуточку подчёркивал хорошее отношение к Ольге.

— И сейчас скажу. Не время, — кивнул мой товарищ и вздохнул.

Самолёт прилетал без пассажира, привёз около центнера тола, взрыватели, каких просили, продукты и письмо для Ольги, которое она после прочтения сожгла. Думаю, от родителей, потому что выглядела довольной.

Из стандартных шашек мы наловчились складывать параллелограмм на тридцать шесть кирпичиков весом семь двести — он ладно укладывался под шпалу. Всего у нас получилось четырнадцать зарядов, каковые закапывали пять ночей на пяти же перегонах с замедлением взведения взрывателя на разные сроки. Хотя два из них сделали на электроподрыв — больше не вышло, потому что израсходовали весь имевшийся в запасе провод.

Мине, если ей не управлять, без разницы от веса какой цели срабатывать. Поэтому чаще всего страдают платформы со щебнем, которые немцы частенько пускают перед проводкой поезда. А мы хотим пускать под откос тяжеловесные составы, устраивая крупные крушения — тут сразу удачно сочетаются значительный материальный ущерб и длительный промежуток, на который перегон выводится из работы. Поэтому заявочку на телефонный провод Тамара на большую землю прихватила.

Утром после одной из трудовых ночей за нами случилась погоня с собаками — уж не знаю, в каком месте эти твари что унюхали, потому что пропитанные креозотом шпалы начисто отбивают любые обонятельные возможности даже у лучших ищеек, но на этот раз лай их слышался всё ближе и ближе. Пришлось Фимке снимать с плеча эмгач и устанавливать его на сошки с расчетом встретить преследователей из укрытия на открытом месте. Проводников и их сопровождение он частью посёк, частью прижал к земле, а спущенных с поводков собак — двух Оля застрелила из парабеллума, а одну зарубил сапёрной лопаткой Миша.

Немцы быстро отошли, а мы убежали. В этом скоротечном огневом контакте закончились наши последние патроны, если не считать по паре обойм на каждую из двух винтовок, что носили мы с Мишей.

— Помните, как мы неудачно ходили наблюдать движение, когда сами же его и прервали? — напомнила Ольга, когда мы выбрали место для днёвки и глодали сухари, запивая водой из фляжек. — Так мы на странную композицию наткнулись совсем рядом со станцией — машина с будкой, на крыше антенны, три палатки и деревянная вышка с пулемётчиком. И всё это обнесено колючкой.

— Место возвышенное? — уточнил я.

— Да. Станционные пути как на ладони. И линия связи на новеньких столбах.

— Печка железная квадратная и навес со столом, на глаз, не больше чем на пару

десятков человек.

— До станции от этого места сколько?

— С километр.

— Предлагаете перерезать личный состав и забрать патроны? — задумался я. — От леса далеко?

— Метров четыреста. Но трава высокая. Днём двое часовых — у ворот и на вышке.

Признаться, у нас уже израсходовалось или подошло к концу многое из немецких удобств, к которым мы успели привыкнуть. Особенно доставало сухого горючего, при использовании которого получалось не выдать себя дымом и не оставить следа костра на земле. Да и патронный голод сильно беспокоил — пока нам не приходилось серьёзно отстреливаться, но всё когда-нибудь кончается. Вот собаки у противника появились. Недолго и до прибытия какой-нибудь охранной части — это сейчас в разгар наступления фашистам трудно выделить силы для обеспечения спокойствия на недавно захваченных территориях, но перебои в работе транспортной магистрали, на которую они рассчитывали, заставят их напрячься.

А просить у своих немецкие патроны... не уверен, что их быстро отыщут. Да и заказать можно будет только очередным рейсом через несколько дней, а потом ещё неделю ждать.

Встретились взглядами с Мишкой, одновременно кивнули и принялись собираться — сегодня нам предстоит идти в светлое время, чтобы успеть добраться до темноты.

* * *

Аккуратное такое подворье пятьдесят на пятьдесят метров обнесено колючей проволокой и снабжено дощатой будочкой в уголке — всё совпадает с описанием. Одна из палаток жилая, вторая, похоже, склад — туда заходят ненадолго и всегда что-нибудь приносят или уносят. Третья — просто проходной двор. Похоже, там и происходит основная деятельность.

Цель заманчивая, но уж очень подходы к ней хорошо просматриваются. Если приблизиться, то даже ползущего человека от взгляда часового на вышке никакая трава не укроет.

Уже стемнело, а шевеление в этом небольшом лагере всё не утихает — то бумажку принесут из автомобильной будки в деловую палатку, то мотоциклист умчится. А вот и пара отдельно взятых служивых в том месте, которое прикрито складской палаткой, преодолела изгородь и потопала в сторону станционного посёлка.

— По бабам пошли, — шепнул Фимка.

— Или за самогонкой. Часовой-то их каким внимательным взглядом проводил и никому ничего не сообщил! — высказался Миша.

— Тропинка тут протоптана не к путям, а на задворки домов ведёт, где огороды, — добавила Ольга.

— Поползли, — согласился я.

Заложив широкую петлю из соображений, чтобы от взгляда с вышки трава нас всё-таки укрывала, мы добрались до той самой тропинки — еле успели перехватить добытчиков — они уже возвращались не только с бутылкой, но и с закуской. Для нападения положение оказалось удобным — мы взяли их в ножи. Да, был вскрик, но ни до чьих ушей он не

донёся, потому что короткий, сдавленный и никакого поблизости нет. Я успел перехватить выпавшую бутылку на полпути к земле — она оказалась очень большой, литра на три. В кино такие видел — четверть называется. Подозреваю, что четверть ведра — то есть выпивка на всю команду.

Хотя я и не озвучивал свои выводы, Оля с ними согласилась — вытащила пробку и принялась всыпать в содержимое порошки из аптечки. В лагерь пошёл Мишка — он по жизни белобрысый и жидковолосый, больше всего немецкого именно в его облике. Мы видели — как только он пролез через просвет в проволоке, из-за палатки тут же вывернулся немец, в руки которого наш товарищ тут же сунул и выпивку, и закуску, и срочно бросился к сортиру, нечленораздельно мыча и хватаясь за живот.

К счастью, было темно, а отхожее место оказалось свободно. Мы терпеливо ждали, пока немцы обильно выпьют и обстоятельно закусят, а потом смотрели, как один за другим они уходят в жилую палатку — Ольгины порошки знатно добавили сонливости обильно выпившим воякам.

К застолью присоединялись и обитатели автомобильной будки, и работники деловой палатки, один из которых носил фуражку — демократичненько тут, где-то по стакану на рыло досталось всем. Мы подождали часок, пока немцы захмелеют и утомонятся, потом я открыто пролез через ту же щель между проволоками в изгороди и из арбалета снял часового на вышке — тот, что у ворот, уже спал, прислонившись к стенке своей будки изнутри — то есть со стороны даже не просматривался.

С тех, кто уснул не раздеваясь, перед умерщвлением стаскивали мундир — кровь трудно отстирывается, а вражеское обмундирование мы используем интенсивно. То есть да, нанесли противнику урон в живой силе. Одурманенные, считай, и не сопротивлялись — вялые они были и беспомощные.

Все добытое унести было немислимо, зато завёлся мотор автомобиля, а в кузове-будке нашлось достаточно места, куда поместились и продукты, и запасы кабеля, и патроны, нашедшиеся в складской палатке в значительных количествах. Ранцы личного состава мы тоже взяли с собой, как и оружие вместе с остальной амуницией — да, пожадничали. Даже железную печку погрузили вместе с трубой. И ещё несколько канистр, не разбирая — полные они или пустые и не выясняя состава содержимого. Уехали перед рассветом, свернули на первую же лесную дорогу и принялись от всей души углубляться в лесную чащу.

* * *

Картина маслом — перед строем облачённых в советские маскхалаты выпускников диверсионной школы старший лейтенант в форме солдата Вермахта трясёт за грудки нашего Мишу и гневно шипит:

— За зипунами сходили, недоноски! Не успели вырасти, а уже решили жизнями рисковать из-за еды и патронов!

Сама эта старший лейтенант маленькая, а Миша, рослый и плечистый, тихонько, чтобы не было заметно уставившимся на эту сцену многочисленным сочувствующим, держит руки так, чтобы подхватить своего командира, если та ненароком упадёт — в соответствии с распределением масс наибольшие перемещения в системе из двух эластично связанных тел испытывает то, которое легче. То есть товарищ старший лейтенант совершает возвратно-

поступательные движения значительной амплитуды, а Миша — незначительной.

Если кто-то чего-то не понял — перед нами классическая военно-уставная сцена признания в любви старшего по званию своему подчинённому. То есть Мишины чувства не остались безответными. Как по мне, так совет да любовь — война войной, а дело молодое вершиться должно.

Оля тоже правильно поняла — увела прибывших к добытому нами автомобилю, где Фимка уже выбрасывает из задней двери мундиры, выдаёт солдатские ранцы и винтовки со всякими ремнями и лопатками — удачно мы амуницией прибарахлились. А то вместо У-2 на нашу поляну сел целый «Дуглас», из которого высыпало двенадцать стажёров под руководством товарища инструктора. Самолёт сразу улетел, а товарищ инструктор потребовала доклада, после получения которого изволила прогневаться.

Почему мы пригнали автомобиль сюда? Так место тут глухое, а лесные грунтовки сухие — привязали сзади несколько веток, чтобы не оставлять в пыли отпечатков протектора, и прикатали, привычно объехав немногочисленные в этих краях деревни. И вот сейчас, пока на пустующей стоянке для днёвки маленького биплана идёт выяснение самых главных отношений, заняли личный состав подгонкой обмундирования и освоением содержимого солдатских ранцев Вермахта.

[Купить полную версию книги](#)